

<https://sthb.petrso.ru>

<https://petrsu.ru>

Издатель

ФГБОУ ВО «Петрозаводский государственный университет»
Российская Федерация, г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33

Научный электронный журнал

**Studia Humanitatis Borealis /
Северные гуманитарные
исследования**

<https://sthb.petrso.ru>

№ 1(38). Март, 2026

Главный редактор

А. В. Волков

Редакционный совет

К. К. Бегалинова
В. Вамбхейм
В. Н. Захаров
Ю. Корпела
К. Кроо
С. А. Лебедев
Б. В. Марков
А. Л. Топорков
Е. О. Труфанова
Р. Ямагути

Редакционная коллегия

С. В. Волкова
Е. Ю. Ежова
Г. В. Жигунова
А. Ф. Иванов
Л. И. Коростелева
Л. А. Клюкина
Н. И. Мартишина
Ю. А. Петровская
Н. А. Пруель
А. Ю. Тихонова
Л. В. Шиповалова

Службы поддержки

А. Г. Марахтанов
И. И. Куроптева

ISSN 2311-3049

Адрес редакции

185910, Республика Карелия, г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33. Каб. 410.
E-mail: studhbor@petrsu.ru
<https://sthb.petrso.ru>

Содержание № 1. 2026.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

ЯМАГУТИ Р.	ЛЮБОВЬ И МЕСТЬ. АФРОДИТИЧЕСКАЯ АМБИВАЛЕНТНОСТЬ: ОТ «МЕДЕИ» ЕВРИПИДА К «ПЕСНИ ТОРЖЕСТВУЮЩЕЙ ЛЮБВИ» ТУРГЕНЕВА	3 - 10
ШАРАПЕНКОВА Н. Г., МАШАКОВА Е. О.	НОРРБОТТЕН - КЛЮЧ К ПОНИМАНИЮ ФЕНОМЕНА ШВЕДСКОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНОВ М. НИЕМИ «ПОПУЛЯРНАЯ МУЗЫКА ИЗ ВИТТУЛЫ» И Ф. БАКМАНА «МЕДВЕЖИЙ УГОЛ»)	11 - 16
МИСЮРОВ Н. Н.	ЧЕЛОВЕК И ЕГО «ПОДВИЖНАЯ» ИДЕНТИЧНОСТЬ: ИСЛАНДСКОЕ ОБЩЕСТВО В «САГЕ О ГРЕТТИРЕ»	17 - 25

ФИЛОСОФИЯ

УЛАНОВ Д. Д.	Проблема соотношения эмпирического и теоретического знания в науке	26 - 36
ЛЕБЕДЕВ С. А.	Наука как социальный институт и конструктивистская форма познания	37 - 47

УДК 82

ЛЮБОВЬ И МЕСТЬ. АФРОДИТИЧЕСКАЯ АМБИВАЛЕНТНОСТЬ: ОТ «МЕДЕИ» ЕВРИПИДА К «ПЕСНИ ТОРЖЕСТВУЮЩЕЙ ЛЮБВИ» ТУРГЕНЕВА

**ЯМАГУТИ
РЁКО**

*доктор филологических наук,
преподаватель,
Университет Досея, факультет глобальных и
региональных исследований,
Киото, Япония, Xciv52910@icloud.com*

Ключевые слова:

женская любовь
безумие
магия
патриархальный порядок
мифологическая амбивалентность

Аннотация:

В статье анализируется образ женской любви как амбивалентной и потенциально разрушительной силы в античной и русской литературной традиции. На материале трагедии Еврипида «Медея» и повести И. С. Тургенева «Песнь торжествующей любви» показано, что «женское безумие» конструируется не как индивидуальная патология, а как символический ответ на мужско-центристский социальный порядок, вытесняющий женскую волю и аффект. Любовь предстает как сила, одновременно созидательная и деструктивная, связанная с магией, нарушением границ и кризисом семейно-гражданских структур; ее афродитическая амбивалентность выражается в фигурах Медеи и Валерии, чьи действия выявляют скрытую уязвимость нормативного порядка.

© 2026 Петрозаводский государственный университет

Получена: 28 февраля 2026 года

Опубликована: 30 марта 2026 года

Введение

Женщина как существо, якобы «склонное к безумию в сфере сексуальности», — это тема, которая с древнейших времен неоднократно воспроизводилась в культурах различных регионов мира. Истоки данного представления чрезвычайно древни: оно формировалось и трансформировалось на протяжении веков в мифологии, религии, философии, медицине и литературе, постепенно приобретая различные интерпретации в зависимости от исторического и культурного контекста.

Наряду с этим, уже в античности и далее в разных культурных традициях возникает корпус литературных произведений, посвященных женской мести. Эти тексты, при всем их разнообразии, объединяет образ женщины, равно подверженной разрушительной силе любви и аффекта. В греческой мифологической традиции данный мотив нередко сопрягается с участием магии, что придает повествованию специфически мифологическое измерение. Именно этот комплекс мотивов и образов может быть обозначен как «греческий мифологический элемент».

В русской литературе произведением, в котором такой элемент находит яркое воплощение, является повесть И. С. Тургенева «Песнь торжествующей любви» (1881).

Нередко образ мстящей женщины предстает как фигура разрушительницы, однако одновременно ей отводится функция восстановления нарушенного порядка. Материнство традиционно

символизирует порядок, жизнь и защиту, тогда как присущая женскому началу холодная решимость выступает как сила мести, действующая во имя сохранения порядка.

Подобная амбивалентность не сводится к психологической характеристике женского характера; она выполняет символическую и культурную функцию. Посредством символа женственности становится возможным сосуществование строгости, необходимой для поддержания порядка, и теплоты, связанной с охраной жизни. Иными словами, именно женский символический код позволяет объединить репрессивный и охранительный аспекты космического и социального устройства.

Такая структура находит свое выражение в образах Мойр и Немезиды в древнегреческой мифологии. В славянской мифологической традиции сходную функцию выполняет образ Доли. Настоящая работа обладает оригинальностью в том, что переосмысливает женскую любовь и безумие не как психологическое или нравственное отклонение, а как мифологическую и символическую структуру.

Автор рассматривает образ героини Валерии в повести И. С. Тургенева «Песнь торжествующей любви» в контексте русских свадебных обрядов, народных верований и любовной магии [8: 26-33]. Прежде всего, невеста в предсвадебный период приобретает статус «лиминального (пограничного) существа», находящегося между смертью и возрождением [9: 140].

В русских народных песнях и свадебных причитаниях невеста изображается как «опасное существо, утратившее своего защитника своего рода», и считалось, что ее воля наделена сверхъестественной силой, потому что до свадьбы обряды для девушек проводились с целью поднять их очарование, чтобы найти хорошего мужа. В разных народных свадебных фольклорных материалах верили, что перед свадьбой у девушек появляется особенная сила. Эта идея основана на том, что люди считали молодую девственную красоту высшей ценностью. Например, Л. И. Иванова пишет, относительно карельской традиции:

Считалось, что после свадьбы слишком большая лемби (то есть славянское понятие привлекательности или славы девушки) и не нужна. Сохранились примеры описания обрядов, когда замужним женщинам, которые были неверны своим мужьям, даже «роняли» (sorrettih) лемби. Основными локусами проведения таких ритуалов были глухие ламбы, откуда ничего не вытекает и куда ничего не втекает, большие неподвижные камни и кладбище. По народным представлениям, именно слишком пылкая и высокая лемби была причиной супружеских измен. Здесь можно говорить, что такая излишняя лемби в пору замужества трактовалась как некое болезненное сексуальное влечение [3: 71-72].

Валерия сохраняет символическое состояние девичества даже после брака с Фабием до того, как встретились с Муцием в второй раз. Поэтому у нее была возможность трансформации. Автор написал, что «...одно завелось у них горе: детей у них не было...» (Тургенев И. С. Песнь торжествующей любви: 222). Она еще не стала матерью и сохраняла некую чистоту и в психике, и в физиологии до этой тайной встречи. Ее беременность была не только трансформацией социальной статуса женщин, но и трансформацией души к мифическому существу.

Духовник выслушал ее (героиню) внимательно, благословил ее, отпустил ей ее невольный грех, а сам про себя подумал: «Колдовство, чары бесовские... это так оставить нельзя...» (Тургенев И. С. Песнь торжествующей любви: 234-235).

Телесные аномалии женского тела часто интерпретируются в бинарной оппозиции: либо как «божественное благословение», либо как «демоническое вторжение». В этом отношении данный фольклорный образ соотносится с фигурой Валерии, которая вследствие тайных свиданий с любовником постепенно утрачивает признаки живого человека и претерпевает трансформацию, сходную с превращением вампира. Потому что отсутствие материнства, даже после вступления в брак, символически удерживает женщину в состоянии «незавершенности». Женское тело, отвергшее нормативное материнство, воображается как сущность, принадлежащая миру мертвых [8: 21]. Немаловажное значение в данном контексте имеет и отношение к матери. В русской традиционной культуре проклятие или гнев матери воспринимались как сила, способная привести к гибели брачную жизнь дочери [4: 256]. Таким образом, институт брака и сопровождающие его ритуалы структурируются вокруг триадической модели, в которой материнство символизирует «порядок», дочь выступает как «лиминальное существо», а любовь функционирует как «сила отклонения от нормы космоса».

Брак означает для невесты «символическую смерть и возрождение» по отношению к родительскому дому; именно в ходе данного перехода невеста впервые осознает свою собственную судьбу — свою «долю». Однако Валерия не признала свою долю и продолжает скрывать свои чувства, холодно именуя Муция «тем человеком», и тем самым не претерпевает коренного изменения

собственной судьбы. Она стала особенной женщиной, которая нарушает порядок мира в телесном мире, сохраняя «лминальное существо» в своей душе.

...Возьми ты эту вещь! – она указала на жемчужное ожерелье, лежавшее на ночном столике, ожерелье, данное ей Муцием, – и брось ее тотчас в самый наш глубокий колодезь. Обними меня – я твоя Валерия – и не приходи ко мне, пока... тот не уедет (Тургенев И. С. Песнь торжествующей любви: 240).

Здесь с особой остротой проявляется проблема женской воли и безумия, порожденного любовью. В повести Тургенева Валерия в конечном итоге предстает как «существо, обретшее новую силу», тогда как Муций, напротив, репрезентируется как мертвый. В заключение утверждается, что текст ставит в центр внимания вопрос о том, каким образом женская любовь и безумие осмысливаются у Тургенева в духовном и мистическом измерении.

1. Амбивалентность женской любви

Сопоставляя русскую и греческую традиции, можно выявить общие мотивы амбивалентной женской любви. Мы обратимся к греческой трагедии Еврипида «Медея», рассматривая представленные в ней образы женщины, модели семьи и структурные проблемы человеческих отношений. Ниже приводится реплика Ясона:

Но женщина, по своей природе, столь наивна и неразумна, что полагает: если только супружеские отношения сохраняются в целости, ей больше ничего не нужно; и стоит лишь малейшей тени лечь на этот союз, как она начинает воспринимать даже полезное и благотворное как враждебное. Поистине, лучше было бы, если бы женщин вовсе не существовало на этом свете, а дети рождались бы откуда-нибудь из иного источника. Тогда человечество было бы избавлено от всех бедствий [2: 42].

В данном эпизоде Ясон обращается к своей супруге Медее, излагая и отстаивая собственную позицию. Он оправдывает свой брак с коринфской царевной и демонстрирует пренебрежительное отношение к Медее. В ходе этой речи Ясон выходит за рамки личного конфликта и переходит к обобщающей критике «женщины» как таковой, фактически проблематизируя само существование женщин.

Здесь Ясон редуцирует женскую сущность к сфере сексуальности. Его утверждение о том, что «вам, женщинам, достаточно лишь того, чтобы удачно складывались отношения в брачном ложе», сводит ценность женщины к сексуальной функции и тем самым игнорирует ее семейные, интеллектуальные и социальные роли. Подобная позиция отражает характерное для греческого общества того времени представление о женщине как о существе, замкнутом в сфере воспроизводства и внутреннего пространства дома.

Реплика Ясона также акцентирует представление о нестабильности женской сексуальности. Тем самым Ясон противопоставляет собственное предательство — брак с царевной — как «рациональный выбор» тому, что он характеризует как «сугубо женскую страсть», редуцируя гнев Медеи до проявления иррационального аффекта.

Далее он высказывает еще более радикальную мысль, утверждая, что если бы люди могли производить потомство иным способом, женщины были бы не нужны вовсе. В этом высказывании существование женщины мыслится как избыточное или даже вредоносное вне функции деторождения. Женщина предстает причиной человеческих бедствий, а ее бытие — подлежащим устранению.

Одновременно эта позиция выявляет структуру мужско-центристского общества, в котором продолжение рода выступает высшей ценностью, тогда как женщина осмысливается исключительно как средство, как «орган» воспроизводства, лишенный автономного человеческого статуса.

Реплика Ясона не сводится к выражению личной его мизогинии; она символизирует более широкую структуру мужского доминирования, характерную для греческого общества той эпохи. Еврипид, вкладывая подобные высказывания в уста Ясона, побуждал зрителя к критическому осмыслению укорененных социальных предрассудков.

В действительности поведение Медеи не может быть интерпретировано как «простая ревность»: оно проистекает из переживания предательства, социальной изоляции и отчаяния, вызванного исключением из общественного порядка. Древнегреческая любовная магия имела своей главной целью изоляцию объекта влечения, что являлось формой «социальной смерти». Такая изоляция одновременно означала и психическое отчуждение. По мнению А. Л. Топоркова, ключевым мотивом русских любовных заговоров выступает «отречения от родителей». Характерная для магии форма отрицания Бога в любовной магии трансформировалась в форму «отречения от родителей». В русской народной традиции «отец» и «мать» не обозначают просто родственников, а стоят наряду с Богом и небесными телами. Согласно Топоркову, эта форма восходит к словам Христа. Форма «отречения от родителей» в русских любовных заговорах практически совпадает с египетской магией, записанной на папирусах на

Ясон же, прикрываясь риторикой рациональности, использует дискредитацию женщины как средство оправдания собственных желаний и стремления к власти.

Подмена, осуществляемая Ясоном, заключается в том, что «законный протест преданной жены» он редуцирует до «женской сексуальности и ревности», трактуемых как иррациональная страсть. Представляя гнев супруги как нечто неразумное и истерическое, он тем самым инсценирует собственную правоту. Более того, частный конфликт между ним и Медеей подменяется обобщающей формулой: «таковы все женщины» — подобная стратегия лишает оппонента индивидуальной легитимности.

Высказывание о том, что при иной форме деторождения женщины были бы не нужны, служит дополнительным средством легитимации, опирающимся на доминирующую систему ценностей. Еврипид с помощью подобных реплик обнажает безобразие мужско-центристского социального порядка. В результате самооправдание Ясона воспринимается зрителем как форма отвратительного лицемерия. Мечь Медеи, безусловно, предстает как крайняя и устрашающая, однако в свете поведения Ясона она становится психологически и этически понятной: создается ощущение, что до подобной крайности ее довели. Таким образом, именно слова Ясона выполняют драматургическую функцию, позволяя зрителю воспринимать гнев Медеи не как простую аффективную вспышку, а как «требование справедливости».

Специалист по греческой поэтике и магии Парри отмечает, что любовь Медии по своей сущности является избыточной и разрушительной. Этому предшествует хоровая песнь (стихи 627–662), в которой хор воспекает «добрый» эрос и рассуждает о том, каким образом любовь соотносится с мерой и самообладанием, а также с тем, что обозначается как «благодатная сдержанность» (good grace). Подобное противопоставление служит цели сопоставления наиболее идеальной формы любви с её наихудшим проявлением.

Одновременно хор реагирует и на обвинения Медеи в адрес Ясона, утверждающей, что он увлечен Главкой (стихи 623–635) и нарушил брачную клятву. Хотя хор прямо не поддерживает эти обвинения, он выражает страх перед избыточностью эроса как разрушительной силой. Уже в начале трагедии кормилица говорит о том, что Медее «сошла с ума из-за любви к Ясону». Здесь речь идет о безумии — продукте чрезмерной страсти, легко колеблющейся между любовью и ненавистью.

Созидательный эрос и разрушительный эрос логически разводятся в речи хора, однако в сфере Афродиты они в конечном счете неразделимы. Точно так же они неразделимы и в самой Медее. Мудрость Медеи связана не с добрым эросом, а с неистовым эросом; этот союз в итоге ведет не к укреплению Ясона или гражданского порядка, олицетворяющего мужской мир, но к его разрушению. Магическая сила Медеи делает ее аутсайдером, разрушающим те структурообразующие модели идентичности, которые связаны с рождением, семьей, городом и материнством. Медее в результате становится одной из наиболее известных мифологических ведьм. Наиболее значимым символом в этом контексте являются ее «любовь» — отравленные дары, воплощающие присущую ей сущностную амбивалентность. Ее мстительная мощь автоматически формирует цепи причинности в пугающе уродливых формах. В этом аспекте она соотносится с Афродитой и с Мойрами (богинями судьбы).

2. Любовь как болезнь

Древние поэты изображали, насколько неразумные поступки совершает человек, оказавшийся в плену любви. В древних цивилизациях женское сексуальное желание нередко связывалось с «разрушительной силой» и «мистическим началом». Подобные представления порождали образ женской сексуальности как силы, способной очаровывать мужчину и одновременно вести его к гибели. На данном этапе доминировал религиозно-мифологический образ «женской сексуальности как таинственной и опасной». В Древней Греции женская физиология и сексуальное влечение становились также предметом медицинского дискурса.

Подобная структура, воспроизводимая как «мифологическая конфигурация», повторяющаяся сквозь эпохи и культуры, вновь проявляется и в прозе Тургенева. Тургенев описывал это так, как будто Муций наложил заклинание любви на Варелию. Он ей подал, как будто афродизиак, вино с чрезвычайно насыщенным и сильным ароматом; оно было золотистым, с легким зеленоватым оттенком, и, будучи налито в небольшую чашу из яшмы, источало загадочное сияние. Вкус вина не напоминал ни одно из европейских вин: он был необычайно сладким и вместе с тем пряно-острым, как будто двойственность любви и если пить его медленно, маленькими глотками, оно вызывало во всем теле приятную дремоту.

Валерия не скоро заснула; кровь ее тихо и томно волновалась, и в голове слегка звенело...от странного того вина, как она полагала, а может быть, и от рассказов Муция, от игры его на скрипке... (Тургенев И. С. Песнь торжествующей любви: 227).

Древнегреческая мифология часто демонстрирует один примечательный мотив: любовное зелье способно вызывать безумие. Это безумие могло возникать как по сугубо физиологическим причинам, так и по причинам психологическим, и даже человек с изначально здравым рассудком оказывался ввергнутым в состояние исступления. Стремление обрести любовь с помощью приворотного зелья является символом человеческой иллюзии о возможности «контролировать» любовь. Любовное зелье — это средство, предназначенное прежде всего для вызывания любовного чувства; однако оно таит в себе опасность, поскольку может привести к безумию или даже смерти. Это не просто аллегория. Тема любви как болезни ощущается там, где речь идет о тоске. А. Л. Топорков – известный исследователь русского фольклора и литературы – пишет о любовных заговорах и об отношении с тоской. В данном тексте показано, что в России XVII века «тоска» (печаль, уныние) понималась как неразделимое единство психического состояния, физиологических симптомов и поведенческих проявлений. Тоска рассматривалась не как сугубо эмоциональное состояние, а как телесная патология, сопровождающаяся тошнотой, желудочными болями и ощущением сжатия в груди. При этом понятие «сердце» обозначало не сферу чувств, а внутренние органы, прежде всего желудок [б: 174-181]. Это как будто болезненная реакция отказа от чего-то в сфере медицинской, нам кажется.

Кроме того, Топорков пишет, что женская тоска часто интерпретировалась как болезнь, вызванная любовью или колдовством. В магических текстах и следственных документах особое внимание уделялось вопросу действенности любовных заговоров, способных вызывать состояние тоски. Описания безумия и припадков подчинялись устойчивым риторическим моделям и включали такие элементы, как уныние, крики, телесные судороги, самоистязание и потерю сознания, то есть приступообразные телесные реакции. Сопоставление медицинских, судебных и магических источников выявляет их значительное сходство на уровне лексики и образности. Женщина, пораженная безумием, в своем поведении практически тождественна персонифицированной «тоске», действующей в колдовских текстах. Таким образом, тоска осмысливается как внешне навязанная, магически обусловленная сила, разрушающая телесный и психический порядок человека. В данном тексте обсуждение «любви как болезни» (т. е. «тоски») представлено не как сугубо медицинская проблема, а как феномен, в котором особо подчеркиваются символические, психологические и социальные аспекты [б: 174-181].

3. Любовь и месть

«Любовь как болезнь» понималась не как сугубо медицинская тема, но как воплощение «силы любви» в качестве культурного символа. В конечном счете она функционировала как литературный мотив, выражающий магнетическую, магическую притягательность и одновременно опасность, присущие любви.

Женщина и любовная магия символизируют противостояние социальному порядку и андроцентрической логике. Они наделены двойственной природой, сочетающей сладость и страх, созидание и разрушение. Афродизиаки и магические практики выступают проекцией любовного чувства, служа литературным средством визуализации отчаянной страсти и внутренней противоречивости. В художественных произведениях внимание сосредоточено не столько на действенности самой магии, сколько на ее символической функции — как материале, воплощающем надежду, амбивалентность, страх и жажду мести, присущие любви.

Как отмечает Хью Парри в книге «*Theixis: Magic and Imagination in Greek Myth and Poetry*», в греческой мифологической традиции отсутствуют четкие указания на прямую завязь Эриний с понятием «магии» (*thelxis*). Эринии известны прежде всего как божества мести, наказывающие виновных за совершенные преступления и налагающие на них суровое воздаяние. В мифе они часто символизируют страх и чувство вины и играют важную структурную роль в поддержании нравственного порядка. Однако их действия редко описываются в терминах «магического очарования» или «магического воздействия»; напротив, в традиции обычно подчеркивается их функция как носителей морального и этического предостережения, а не как фигур, действующих посредством соблазняющей или чарующей силы, характерной для *thelxis*.

О, Земля! О всепроникающий свет солнечного божества!
Смотрите, смотрите — на женщину гибели,
пока ее безжалостная рука
не обагрилась кровью собственных детей!
Ибо она происходит из твоего золотого рода;
и ныне страшно, что божественная кровь

будет пролита рукой человека.

О свет, исходящий от богов, — приди,
останови ее, удержи ее,
изгони из дома
эту жалкую, одержимую мстительными духами,
алчущую крови Эринию![2: 54-55].

Этот эпизод в «Медеи» затрагивает самый центр трагической проблематики — темы детоубийства и кровной мести, в которых человеческое преступление, божественная кровь и образ Эриний сходятся в предельной точке напряжения.

Как уже отмечалось, Парри подчёркивает амбивалентность Афродиты: её сила, приносящая радость, надежду и новую жизнь, одновременно укоренена в хтонических функциях. Афродита способна обманывать, принуждать, сводить с ума и разрушать; в этом аспекте она сближается с Эриниями и Мойрами, образуя пугающие причинно-следственные связи [5: 275].

Афродита символизирует силу любви, а Мойры отвечают за судьбу. Их объединяет то, что обе являются «неизбежной силой», указывающей на то, что любовь и судьба – это силы, которые выходят за рамки человеческой воли. В греческой мифологии фигура Немезиды представляет этическое возмездие, функционирующее как компенсаторный механизм, согласованный с судьбой, определяемой Мойрами.

Существительное Νέμεσις (Nemesis) происходит от греческого глагола *немо* («распределять, наделять, назначать»). Из этой этимологии, как пишет, Эмма Стаффорд выводятся два основных смысловых пласта. Первый— «первоначальное распределение», то есть судьба, даруемая при рождении, что сближает Немезиду с Мойрой и Хаймарменой. Второй — «распределение сообразно заслугам», то есть справедливое воздаяние, что связывает ее с понятием справедливости(justice) и *потос* («закон»), подчеркивая нормативный, упорядочивающий характер распространения[7:76].

В античной традиции акцентируется именно второе значение. Поэтому в наиболее общем смысле Немезиду следует понимать как «праведный гнев, вызываемый несправедливостью», то есть моральную и космическую реакцию на нарушение должного порядка. Учитывая то, что Немезида появляется в одном ряду с Мойрами, весьма вероятно, что она представлена как божество, распределяющее судьбу.

Более позитивный образ Немезиды, как отмечает Стаффорд, представлен в поэме Гесиода «Труды и дни» (стихи 197-201). Здесь Немезида связана с Айдос (Aidōs — стыд, почтительность, нравственное сдерживание) и изображается покидающей землю в конце Железного века:

*Тогда Айдос и Немезида,
покинув широкую землю,
взойдут на Олимп.
Облекшись в белые одежды и прекрасный облик,
они удалятся к бессмертным богам,
а людям останется лишь горькая скорбь;
и не будет уже никакой защиты от зла [1: 51-52].*

В этом фрагменте обе фигуры выступают как персонифицированные абстракции, уходящие к олимпийским богам, однако аллегория очевидна: по мере нравственного разложения человеческого мира с земли исчезают «стыд» и «праведное возмущение», лишая людей последних средств сопротивления злу. Одновременное исчезновение Немезиды и Айдос означает полное разрушение социального порядка. Связь Немезиды с Айдос весьма показательна: Айдос обозначает способность распознавать надлежащие отношения и допустимые пределы, а Немезида выступает как гнев, охраняющий эти границы, то есть санкция против их нарушения [7: 77]. В мифе Немезида, движимая стыдом (*aidōs*) и праведным гневом (*nemesis*), спасается бегством от своего отца Зевса и сопротивляется ему посредством бесчисленных превращений, однако в конечном итоге оказывается настигнутой. Такое изображение указывает на внедрение в миф рационализирующего элемента, поскольку Немезида действует в соответствии с теми этическими ценностями, покровительницей которых она сама является. Немезида, будучи богиней абстрактного понятия, выделяется тем, что представляет собой практически единственный пример божества такого рода, ставшего родителем смертного. В этом своем качестве (как сила, восстанавливающая нарушенное равновесие) Немезида сближается с Медеей, чья чудовищная месть также оказывается актом восстановления попорченной справедливости, пусть и ценой невозполнимой утраты. Валерия же не переходит к активному возмездию, однако сама её трансформация, её пограничное существование между жизнью и смертью

обнажает скрытую уязвимость андроцентричного порядка, который не в силах до конца подчинить себе женскую волю и аффект.

Заключение

Анализ текстов от «Медея» до «Песнь торжествующей любви» позволяет отказаться от интерпретации «женского безумия» как психологической девиации или частного сюжетного мотива. Перед нами не аномалия, а структурная необходимость. Женская фигура в данных текстах функционирует как предел распределительной системы, основанной на браке, роде и патриархальной иерархии.

Любовь в этой системе не является ни чистым чувством, ни исключительно созидательной силой. Она представляет собой механизм социального распределения: через неё закрепляются союзы, обеспечивается преемственность и воспроизводится порядок. Однако тот же механизм содержит внутренний разрыв. Любовь неизбежно превышает форму, в которую её пытается заключить социальная норма. Именно это превышение порождает насилие — и одновременно выявляет его.

Афродитическая амбивалентность в данной перспективе есть не характеристика страсти, а принцип культурной организации. Она означает, что всякая структура, основанная на любви, уже содержит в себе возможность мести. Там, где порядок присваивает любовь как инструмент контроля, возникает немезидическая реакция — не внешняя по отношению к системе, а имманентная ей.

Медея демонстрирует предельную точку этой имманентности: разрушение семьи выступает не иррациональным актом, а доведённой до логического завершения формой ответа на несправедливое распределение. Валерия в тексте Тургенева репрезентирует более скрытый, но не менее значимый вариант той же конфигурации: её «болезнь» есть симптом несовпадения между индивидуальным аффектом и нормативной формой брака. В обоих случаях женщина оказывается не источником хаоса, а индикатором структурного напряжения.

Следовательно, «любовь как болезнь» следует понимать как культурный код сопротивления — форму проявления того, что социальный порядок не способен полностью ассимилировать. Афродита и Немезида в этом контексте не противопоставлены друг другу; они образуют единую динамическую пару, обеспечивающую циркуляцию силы между созданием и разрушением порядка.

Любовь создаёт порядок лишь постольку, поскольку уже несёт в себе его предел.

ПРИМЕЧАНИЯ

Тургенев И. С. Песнь торжествующей любви // Тургенев И. С. Избранные произведения. Санкт-Петербург: Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. С. 219-244. 384 с.

Список литературы

1. Гесиод, гомеровские гимны, собрание произведений Гомера: Собрание шедевров греческой поэзии. Перевод с древнегреч. Книжный магазин «Дзюку-сэйдо», 2025. -346 с.
2. Еврипид. Медея// Греческая трагедия II. Пер. с древнегреч. Земля Накамура, Редактор Курэ Сигэйти. Токио: Издательство «Тикума себо», 1974. С. 31-58.
3. Иванова Л. И. Понятия лемби и Лемпи в карельской мифологии//Сборник научных статей Всероссийских конгресс фольклористов. М., 2019. С.70-80.
4. Кузнецова В. П., Логинов К. К. Русская свадьба Заонежья (конец XIX - начало XX в.). Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 2001. -328с.
5. Parry H. Thelxis: Magic and Imagination in Greek Myth and Poetry. Lanham, New York, London, 1992. 344 pp.Парри Х.
6. Топорков А. Л. Заговоры в русской рукописной традиции XV–XIX вв. Москва: Индрик, 2005. -480 с.
7. Stafford, Emma. "Nemesis: 'Myth into Logos.'"In: Worshipping Virtues: Personification and the Divine in Ancient Greece. Cardiff: The Classical Press of Wales, 2022. 274 pp.
8. Ямагути Р. ДОЛЯ и «Песнь торжествующей любви» // Studia Humanitatis Borealis / Северные гуманитарные исследования. 2024. № 2. С. 26-33.
9. Ямагути Р. Концепты «Воли» и «Тоски» в русской свадебной лирике // Ученые записки Орловского государственного университета. 2022. № 2 (95). С. 139-141.

References

1. Hesiod; Homeric Hymns; Collected Works of Homer. Collected Masterpieces of Greek Poetry. Translated from Ancient Greek. Kyoto: Jūkyūseidō Bookstore, 2025. 346 pp.
2. Euripides. Medea. In: Greek Tragedy II. Translated from Ancient Greek by Zemya Nakamura; edited by Kure Shigeichi. Tokyo: Chikuma Shobō, 1974, pp. 31-58.
3. Ivanova, L. I. "The Concepts of Lembi and Lempi in Karelian Mythology." In: Proceedings of the All-Russian Congress of Folklorists. Moscow, 2019, pp. 70-80.
4. Kuznetsova, V. P.; Loginov, K. K. The Russian Wedding in Zaonezhye (Late 19th - Early 20th Century). Petrozavodsk: Petrozavodsk State University Press, 2001. 328 pp.
5. Parry, Hugh. Thelxis: Magic and Imagination in Greek Myth and Poetry. Lanham; New York; London, 1992. 344 pp.
6. Toporkov, A. L. Spells in the Russian manuscript tradition of the XV-XIX centuries. History, symbolism, poetics. M., 2005. 480 p.
7. Stafford, Emma. "Nemesis: 'Myth into Logos.'" In: Worshipping Virtues: Personification and the Divine in Ancient Greece. Cardiff: The Classical Press of Wales, 2022. 274 pp.
8. Yamaguti, R. "Dolya and The Song of Triumphant Love." *Studia Humanitatis Borealis* / Northern Humanities Studies, 2024, no. 2, pp. 26-33.
9. Yamaguti, R. "The Concepts of 'Will' and 'Sadness' in Russian Wedding Lyrical Songs." *Scholarly Notes of Orel State University*, 2022, no. 2 (95), pp. 139-141.

LOVE AND REVENGE. APHRODITIC AMBIVALENCE: FROM EURIPIDES' MEDEA TO IVAN TURGENEV'S THE SONG OF TRIUMPHANT LOVE

**YAMAGUCHI
RYOKO**

*PhD in Philology,
Lecturer,
Doshisha University, Faculty of global and regional
studies,
Kyoto, Japan, Xcju52910@icloud.com*

Keywords:

female love
madness
magic
patriarchal order
mythological ambivalence

Summary:

This paper analyzes the image of female love as an ambivalent and potentially destructive force in the ancient and Russian literary traditions. Analyzing Euripides' tragedy *Medea* and Ivan Turgenev's novel *The Song of Triumphant Love*, it shows that "female madness" is constructed not as an individual pathology, but as a symbolic response to the male-centered social order that displaces the female will and affect. Love appears as a force, both creative and destructive, associated with magic, violation of boundaries, and crisis of family and civil structures, with its Aphroditic duality expressed in the figures of *Medea* and *Valeria*, whose actions reveal the hidden vulnerability of the normative order.

УДК 821.161.1

НОРРБОТТЕН – КЛЮЧ К ПОНИМАНИЮ ФЕНОМЕНА ШВЕДСКОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНОВ М. НИЕМИ «ПОПУЛЯРНАЯ МУЗЫКА ИЗ ВИТТУЛЫ» И Ф. БАКМАНА «МЕДВЕЖИЙ УГОЛ»)

**ШАРАПЕНКОВА
НАТАЛЬЯ
ГЕННАДЬЕВНА**

*доктор филологических наук,
заведующая кафедрой германской филологии и скандинавистики,
Петрозаводский государственный университет,
институт филологии,
Петрозаводск, Российская Федерация,
natshar@mail.ru*

**МАШАКОВА
ЕКАТЕРИНА
ОЛЕГОВНА**

*магистрант кафедры германской филологии и скандинавистики,
Петрозаводский государственный университет,
институт филологии,
Петрозаводск, Российская Федерация,
katiyamashakova@mail.ru*

Ключевые слова:

Норрботтен
Север
шведскость
самоидентификация
Микаэль Ниemi
«Populärmusik från Vittula»
Фредрик Бакман
«Björnstad»
hembygds litteratur

Аннотация:

Статья посвящена описанию характерных особенностей такого понятия, как «шведскость» (шв. Svenskhet), которое встречается в трудах по социологии и культурологии, подразумевающего под собой особое самопонимание общества, проявление шведской национальной идентичности, складывающееся из культурного опыта, общей истории и языка. В статье в качестве материала взят образ шведской глубинки, какой она предстает в романах «Populärmusik från Vittula» (2000) Микаэля Ниemi и «Björnstad» (2016) Фредрика Бакмана.

© 2026 Петрозаводский государственный университет

Получена: 28 февраля 2026 года

Опубликована: 30 марта 2026 года

Введение

Пер Микаэль Ниemi (род. 1959) – современный турнедалский поэт и писатель, работающий жанре молодежного романа, криминальной прозы, научной фантастики [11, с. 716]. «Популярная музыка из Виттулы» (2000) – первый роман зрелого периода его творчества, ставший большим прорывом и принесший ему всемирную популярность, относится к направлению hembygds litteratur, что в русском языке соответствует термину «региональная литература». В своем романе М. Ниemi от первого лица рассказывает о жизни в маленьком городке Паяла, что находится в глуши Норрботтена – крупнейшего и самого северного региона Швеции, куда в 1960-х только начинает добираться технический прогресс и движение рационализации, затрагивающее все аспекты жизни местного населения.

Карл Фредрик Бакман (род. 1981) – шведский писатель и блогер [7]. Его дебютный роман «En man som heter Ove» (2012), принес автору мировую известность, стал бестселлером и был

экранизирован. «Медвежий угол» (2016) – пятый роман Ф. Бакмана рассказывает о маленьком вымирающем городе Бьорнстад на севере Швеции и его жителях. Популярное шведское издательство «Piratforlaget» назвало роман самым серьезным произведением этого автора [9]. Два романа, рассматриваемых в статье, – лишь малая часть от всех произведений, написанных шведскими авторами о Севере за последние тридцать лет.

Поиски национальной идентичности

В последнее время наблюдается рост интереса к северной провинции среди шведских писателей. Прежде всего это связано с вопросом национальной самоидентификации, ставшим особенно острым в настоящее время. С 1960 года население Швеции не переставая растет, уровень рождаемости при этом остается относительно постоянным. Основным фактором прироста населения уже долгое время являются военные и политические конфликты за рубежом, откуда в Швецию прибывают люди разных национальностей, культур и религий. Многие мигранты живут небольшими общинами, внутри которых сохраняют свои культурные ценности и передают их молодому поколению. Согласно статистическому отчету о количестве населения за 2022 год в Швеции родилось 104 734 ребенка, в то время как число иммигрантов составило около 102 000 человек [12].

Миграция, являясь одним из факторов глобализации, влияет не только на численность населения, но также ставит под удар сохранность национальной культуры, что в свою очередь поднимает вопрос о национальной самоидентификации. Профессор университета Мальмё Кристиан Фернандес в своем исследовании приходит к выводу о том, что легкий процесс получения гражданства делает более труднодоступной сущность шведской культуры для посторонних [6, с. 687]. Таким образом, результатом глобализации становится изменение национальной идентичности, что приводит к увяданию этнической культуры. С другой стороны, этот процесс вызывает и обратную реакцию в обществе – коренные жители, обеспокоенные забыванием родной культуры, начинают интересоваться способами ее сохранения, тем самым популяризируя ее.

Интерес именно к северной шведской глубинке – лену Норрботтен связан с его аутентичностью. В этом регионе одни из самых низких показателей по рождаемости и миграции [10]. Он развивается медленнее остальных и не так успешен экономически, поскольку наименее подвержен процессу глобализации, но при этом сохраняет и передает традиции – культурный код Швеции. Литературные произведения, действие которых происходит на территории Норрботтена, рассказывают о типичных для этой местности проблемах, связанных с географическими, климатическими, экономическими и культурными особенностями, из которых и складывается понимание «шведскости».

Вопросом национальной самоидентификации задавался еще И. В. Гёте: «Каждая нация обладает своими особенностями, которые отличают ее от других, ощущение этих особенностей и разделяет между собой нации, привлекает их друг к другу или, напротив, отталкивает» [2, с. 573]. Немецкий поэт и писатель в своем высказывании сформулировал основу имагологического метода, который был применен в исследовании. Сравнивая концепты «свое» и «чужое» будем подразумевать под ними север и юг Швеции соответственно.

Роман «Популярная музыка из Виттулы» (2000)

По мере того, как растет главный герой, ему открывается истинное положение дел в городе. В школе Матти узнает о том, что все новинки, пришедшие с техническим прогрессом в Паялу, для всей остальной страны были уже привычным делом, и они – северные жители – «были во всем распоследними» [4, с. 56]. Даже на уроках географии Норрботтен изучали в самую последнюю очередь, и на карте он был взят самым мелким масштабом. Уже существовавший комплекс неполноценности по отношению к «продвинутым» южным регионам усиливается. По мере того, как Швецию настигают процессы глобализации, разрыв между севером и югом становится все более ощутимым. Это подводит нас к одной из важнейших проблем литературоведческой компаративистики, сформулированных А. Н. Веселовским – проблеме культурных взаимодействий [5, с. 14].

Столкновение «своего» и «чужого» необходимо рассматривать через отношения между Паялой (провинцией) и Лулео (административным центром). О новых веяниях моды, научных открытиях, современной музыке паяльцы узнавали по радио или во время поездок в Лулео. Там можно было купить одежду, скоростной велосипед, телевизор и музыкальный проигрыватель – любые блага строящейся скандинавской модели свободного капитализма, в то время как в Паяле довольствовались несколькими продуктовыми лавками и дарами природы, а некоторые местные жители все еще придерживались идей коммунизма. В Лулео царила совершенно непохожая на паяльскую атмосфера свободы. В десятой главе Матти восхищается тем, с каким безразличием друг к другу относятся горожане [4, с. 112]. В большом городе все незнакомцы, по этой причине в нем не существует осуждения. Мальчик никогда не

испытывал подобного в родном поселке, который наполнился слухами даже после самого мелкого происшествия.

Попытка ассимиляции «чужого» приводит к нарушению привычного уклада жизни в северной глубинке, которая была обособлена от остальной Швеции долгое время. Столкновение с современными реалиями и осознание собственного положения разрушительно сказывается на общем состоянии Паялы и других небольших городов, где люди не могут продолжать жить по-старому и противятся новому укладу.

Роман «Медвежий угол» (2016)

Бьорнстад – маленький городок, расположенный в лесной глуши. Здесь практически нет работы, предприятия закрываются, люди массово уезжают. Это собирательный образ всех небольших северных городов, которые сейчас переживают не лучшие времена. Единственное, что может спасти это место – хоккей. На команду юниоров, которая выходит в полуфинал, возлагают большие надежды, ведь если они победят, то в городе откроют хоккейную гимназию, а значит, он оживет, удастся остановить эмиграцию и привлечь семьи будущих хоккеистов.

Поскольку место действия романа «Медвежий угол» вымышленное, а помимо самого Бьорнстада упоминается только Хед, отношения между провинцией и административным центром рассмотрено на примере двух этих городов. Хед – довольно крупный, расположенный недалеко от Бьорнстада город, куда герои произведения ездят на работу, за покупками и развлечениями. Местные не любят жителей больших городов и отзываются о них пренебрежительно. Во многом это обусловлено тем, что, по мнению бьорнстадцев, они не сталкиваются с жизненными трудностями, которые встречаются в маленьких городах. Жители Хеда, в свою очередь, презируют бьорнстадцев, называя их «нищими крестьянами», шутят, что «в Бьорнстаде нет электричества» [1, с. 328]. Давно длившееся противостояние обострил вопрос о том, в каком из этих мест открывать хоккейную гимназию. Проигрыш «Медведей» означал медленную гибель города – «если хоккейную гимназию откроют в Хеде, много ли пройдет времени, прежде чем закроют последнюю школу в Бьорнстаде?» [1, с. 389].

Таким образом, Бьорнстад предстает перед читателем как всеми забытый вымирающий город. Правительство не озабочено его проблемами, и единственное, что удерживает оставшихся жителей от переезда – это хоккей. После проигрыша «Медведей» умирает последняя надежда на хорошую жизнь, и в городе воцаряется атмосфера отчаяния и безысходности.

Заключение

Хотя Турнедален, изображенный в «Популярной музыке из Виттулы» движется вперед в будущее, он все еще сильно отстает от южных регионов Швеции и остается обособленным. Традиции местных жителей, их обычаи и привычный уклад жизни остаются неизменными, поскольку культурный уровень населения не позволяет «чужому», пришедшему в регион вследствие глобализации и рационализации, закрепиться и стать частью новой реальности. М. Ниemi изображает в романе своего рода раскол общества на консерваторов (антиглобалистов) и либералов (сторонников глобализации). Обе группы хорошо иллюстрируют двое главных героев – Ниила, родившийся в семье верующих лестадиан, отвергающих любые блага развивающейся цивилизации, и Матти, который поддается влиянию массовой культуры и принимает все то новое, что приходит в Норрботтен с юга. Так, молодое поколение, представленное Матти, его старшей сестрой, Хойгери и другими детьми, мечтает уехать из Паялы как можно дальше на юг, получить хорошее образование и никогда не возвращаться в места, о которых, кажется, все скоро забудут – «Сюда возвращались только мертвецы. Жертвы аварий. Самоубийцы» [4, с. 60].

Страшная участь, которая только нависала над Паялой в 1960-х, настигает Бьорнстад нашего времени. Единственное, что позволяет городу выживать – хоккей. Все производства закрылись, рабочие места на последней оставшейся фабрике сокращают. Люди, не связанные с местной хоккейной командой, сначала находят работу в других городах, а затем вовсе уезжают. Тем, кто не может работать вне Бьорнстада, остается только смириться с печальной участью и ждать наступления конца – постепенного закрытия всех учреждений. Население распределяется по районам города в соответствии с социальным классом. Ф. Бакман в романе «Медвежий угол» акцентирует внимание читателя к строгой стратификации общества. Владельцы супермаркетов, руководство фабрики и люди, работающие в более крупных городах, – местная элита. Благодаря денежному достатку они могут позволить себе все, что недоступно большей части населения Бьорнстада, в том числе путешествия, театры, кино, музеи и другие виды культурного досуга, которого просто не существует в их родном городе. Старые традиции, культура северных территорий Швеции, с которой так не хотели расставаться паяльцы из «Популярной музыки из Виттулы», практически исчезла. Последними, кто сохраняет в себе «шведскость», являются

люди, обреченные на жизнь в Бьорнстаде, как отец Аны – подруги главной героини, который не в силах изменить свою жизнь к лучшему из-за алкогольной зависимости. По этой же причине он пытается абстрагироваться от реальности и продолжать жить прошлым.

Споры о национальной идентичности в Швеции не утихают. Многие социологи и культурологи озадачены проблемой сохранения «шведскости», но само определение этого понятия до сих пор не было сформулировано. Шведский социолог Кайсар Мухаммед, например, видит решение вопроса в том, чтобы перестать пытаться определить «шведскость» через этнос, заключая понятие в рамки языкового и кровного родства. Вместо этого автор нон-фикшн романа «Охота на шведскость» (*Jakten på svenskheten*) предлагает «попытаться заставить Швецию переосмыслить шведскость, включив в нее Ид[1], Хануку[2], Дивали[3] и Навруз[4]» [8, с. 87]. То есть рассматривать «шведскость» с точки зрения нации – граждан одной страны. Швеция – многокультурная страна, поэтому это могло бы помочь предотвратить межэтнические конфликты. Но, сравнивая понятие «svenskhet» с «русскостью», которая, по определению А. А. Королькова, подразумевает «проявление национально-культурной идентичности» [3, с. 140], становится ясно, что такой подход является в корне неверным, поскольку исключает культурно-историческую составляющую.

Примечания

[1] Ид – исламский праздник, знаменующий окончание поста Рамадан.

[2] Ханука – еврейский праздник свечей в память о сохранении иудейской веры.

[3] Дивали – главный индуистский праздник.

[4] Навруз – исламский праздник весны у иранских и тюркских народов.

Литература

1. Бакман Ф. Медвежий угол / Ф. Бакман. — Москва : Синдбад, 2023. — 528 с. — ISBN 978-5-00132-052-5
2. Гете И. В. Об искусстве / И. В. Гете. – Москва : Искусство, 1975. 624 с.
3. Корольков А. А. Русскость культуры, русскость философии // Вестник РХГА. 2010. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/russkost-kultury-russkost-filosofii> (дата обращения: 26.08.2023). — Текст : электронный.
4. Ниemi М. Популярная музыка из Виттулы / М. Ниemi. — Москва : Фантом Пресс, 2020. — 288 с. — ISBN 978-5-86471-857-5.
5. Шарапенкова Н. Г. Литературоведческая компаративистика и кросскультурные взаимодействия / Н. Г. Шарапенкова // Учебное пособие для обучающихся по программам магистратуры гуманитарных направлений подготовки. — Часть 1. — Петрозаводск : Издательство ПетрГУ, 2023. — 55 с. — ISBN 978-5-8021-4059-8.
6. Fernández C. The unbearable lightness of being Swedish? On the ideological thinness of a liberal citizenship regime / C. Fernández. — Текст : электронный // SAGE Journals : [сайт]. — [Thousand-Oaks], 2019. — URL:<https://journals.sagepub.com/> (дата обращения: 15.04.2023).
7. Fredrik Backman books : [сайт]. — Tempe. — URL: <https://www.fredrikbackmanbooks.com/fredrik-backman-about.html> (дата обращения: 16.01.2023) — Текст : электронный.
8. Mahmood Q. *Jakten på svenskheten* / Q. Mahmood. — Stockholm : Natur & Kultur, 2012. — 86 s. — ISBN 978-91-27-13522-2.
9. Piratforlaget : [сайт]. — Стокгольм. — URL: <https://www.piratforlaget.se/bocker/bjornstad/> (дата

обращения: 16.01.2023) — Текст : электронный.

10. Regionfakta : [сайт]. — Stockholm. — URL: <https://www.regionfakta.com/norrbottens-lan/> (дата обращения: 13.03.2023). Текст : электронный.

11. Ridanpää J. Politics of literary humour and contested narrative identity (of a region with no identity) / J. Ridanpää // *Cultural Geographies*, SAGE. — 2014. — Vol. 21 (4). P. 711—726.

12. Statistikmyndighet : [сайт]. — Örebro. — URL: <https://www.scb.se> (дата обращения: 10.03.2023). Текст : электронный.

References

1. Bakman F. *Medvezhij ugol* / F. Bakman. — Moskva : Sindbad, 2023. — 528 s. — ISBN 978-5-00132-052-5

2. Gete I. V. *Ob iskusstve* / I. V. Gete. — Moskva : Iskusstvo, 1975. 624 s.

3. Korol`kov A. A. *Russkost` kul`turny`*, *russkost` filosofii* // *Vestnik RXGA*. 2010. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/russkost-kultury-russkost-filosofii> (дата обращения: 26.08.2023). — Текст : электронный.

4. Niemi M. *Populyarnaya muzy`ka iz Vittuly`* / M. Niemi. — Moskva : Fantom Press, 2020. — 288 s. — ISBN 978-5-86471-857-5.

5. Sharapenkova N. G. *Literaturovedcheskaya komparativistika i krosskul`turny`e vzaimodejstviya* / N. G. Sharapenkova // *Uchebnoe posobie dlya obuchayushixsya po programmam magistratury` gumanitarny`x napravlenij podgotovki*. — Chast` 1. — Petrozavodsk : Izdatel`stvo PetrGU, 2023. — 55 с. — ISBN 978-5-8021-4059-8.

6. Fernández C. *The unbearable lightness of being Swedish? On the ideological thinness of a liberal citizenship regime* / C. Fernández. — Текст : электронный // *SAGE Journals* : [сайт]. — [Thousand-Oaks], 2019. — URL: <https://journals.sagepub.com/> (дата обращения: 15.04.2023).

7. Fredrik Backman books : [сайт]. — Tempe. — URL: <https://www.fredrikbackmanbooks.com/fredrik-backman-about.html> (дата обращения: 16.01.2023) — Текст : электронный.

8. Mahmood Q. *Jakten på svenskheten* / Q. Mahmood. — Stockholm : Natur & Kultur, 2012. — 86 s. — ISBN 978-91-27-13522-2.

9. Piratforlaget : [сайт]. — Stokgol`m. — URL: <https://www.piratforlaget.se/bocker/bjornstad/> (дата обращения: 16.01.2023) — Текст : электронный.

10. Regionfakta : [сайт]. — Stockholm. — URL: <https://www.regionfakta.com/norrbottens-lan/> (дата обращения: 13.03.2023). Текст : электронный.

11. Ridanpää J. Politics of literary humour and contested narrative identity (of a region with no identity) / J. Ridanpää // *Cultural Geographies*, SAGE. — 2014. — Vol. 21 (4). P. 711—726.

12. Statistikmyndighet : [сайт]. — Örebro. — URL: <https://www.scb.se> (дата обращения: 10.03.2023). Текст : электронный.

NORRBOTTEN AS THE KEY TO UNDERSTANDING THE PHENOMENON OF SWEDISHNESS (A STUDY OF MIKAEL NIEMI'S NOVEL POPULAR MUSIC FROM VITTULA AND FREDRIK BACKMAN'S NOVEL BEARTOWN)

SHARAPENKOVA
Natalya

*PhD in Philology,
Head of the Department of German Philology and
Scandinavian Studies,
Petrozavodsk State University, Institute of Philology,
Petrozavodsk, Russian Federation, natshar@mail.ru*

MASHAKOVA
Ekaterina

*Master's student of the Department of Germanic
Philology and Scandinavian Studies,
Petrozavodsk State University, Institute of Philology,
Petrozavodsk, Russian Federation,
katiyamashakova@mail.ru*

Keywords:

Norrbottn
North
Swedishness
self-identification
Mikael Niemi
Popular Music from Vittula
Fredrik Backman
Beartown
hembygds litteratur

Summary:

The article aims to describe the characteristic features of the concept of "Swedishness" (from the Swedish term *Svenskhet*) found in works on sociology and cultural studies, that implies a special self-understanding of society, a manifestation of Swedish national identity, consisting of cultural experience, common history, and language. The article analyzes the authors' perception of the image of the Swedish outback in Mikael Niemi's novel *Popular Music from Vittula* (2000) and Fredrik Backman's novel *Beartown* (2016).

УДК 116.6; 130.31; 316.3

ЧЕЛОВЕК И ЕГО «ПОДВИЖНАЯ» ИДЕНТИЧНОСТЬ: ИСЛАНДСКОЕ ОБЩЕСТВО В «САГЕ О ГРЕТТИРЕ»

**МИСЮРОВ
НИКОЛАЙ
НИКОЛАЕВИЧ**

*доктор философских наук,
профессор кафедры журналистики и
медиалингвистики,
Омский государственный университет им. Ф. М.
Достоевского, кафедра журналистики и
медиалингвистики,
Омск, Российская Федерация, misiurovnn@omsu.ru*

Ключевые слова:

органическое единство общества
единичный индивид
подвижная идентичность
героический нарратив

Аннотация:

Исландское общество «времени саг» – своеобразный исторический феномен, социологические исследования уникальности которого дают достаточные основания для выводов типологического характера. Эмпирический материал наблюдений – «Сага о Греттире», литературный памятник, фиксирующий определенные изменения в традиционной социальной структуре «федерации хуторов» эпохи заселения Исландии (в связи с принятием христианства в Норвегии и вытеснением «пассионарных» одиночек и профессиональных групп, придерживавшихся «традиции», за пределы складывающегося унитарного национального государства). Продуктивен в теоретическом и практическом плане анализ ярко выраженной индивидуальности, акцентированной героическим нарративом биографии знаменитого «драчуна», нонконформиста, закончившего жизнь изгоем, в контексте проблемы взаимодействия индивида и социума. Утверждается, что «референция» общественной структуры с различными типами связей (затронутые имущественным расслоением общинные и «корпоративные», сообщества викингов, китобоев, купцов) зависит не столько от способа «репрезентации», не столь важно, объективно или же субъективно трактуемых фактов и событий, сколько от выбора эффективных «дескрипций»; методологический аспект имеет первостепенное значение. Констатируется, что сочетание все еще сохранявшихся элементов архаики и элементов модернизированной «новой реальности» обусловило специфическую «подвижную» идентичность, этническую и социальную. Делается вывод о том, что эволюция исландских социальных общностей фактически означала перманентное и неотвратимое «сущностное» изменение базового принципа «коллективизма» (от со-лидарности – к конкуренции); решающим фактором оказывается жизненный потенциал личности. В этом ракурсе осмысленная судьба отдельно взятого человека становится проекцией судьбы народной.

Получена: 28 февраля 2026 года

Опубликована: 30 марта 2026 года

Введение. Человек в исторической среде

Человек – «изначальный факт всякой истории» – составляет предмет биографии, которая, по словам В. Дильтея, является «наиболее философской» формой объективного исторического изображения; в описываемом неповторимом единичном отражается «всеобщий закон развития» [6: 255]. Жанровая литературная форма переосмысления некоторого жизненного материала определена мировосприятием и эстетической парадигмой. Обобщения социологического и психологического характера создают основу «усовершенствованного», по определению Г. Зиммеля, образа индивидуальности, служащего схемой, в которую привносятся те или иные черты и действия реальной личности. В каждом отдельно взятом человеке индивидуальное и социальное содержатся «в неизменной пропорции», меняющей только форму такого синкретизма; дифференциация и индивидуализация ослабляют многообразные связи индивида с «ближним кругом», расширение социальной группы способствует развитию индивидуальности; первоначальные различия между индивидами обостряются вследствие насущной потребности добывать все необходимые средства к жизни, борьба ведется «все более своеобразными способами»; конкуренция создает «особенность» индивида [8: 52-55]. Взаимосвязь человека и коллектива «других» индивидуумов – фактор устойчивости исследуемых общественных феноменов.

Цель работы – выявить и описать «модифицированное» бытие потенциально обладающей безграничными возможностями индивидуальности, едва только преодолевающей свою «одинаковость», обусловленную исторической средой, сохраняющейся взаимосвязью с характерными для дифференцирующегося «закрытого» общества социальными общностями («единением с группой»). Учтем два принципиальных момента: с одной стороны, «не поддающиеся рационализации» мотивирующие индивидуума понятия (вроде концептов «чувство родины», «утрата пути») вполне случайны [7: 92-93], с другой стороны – неоспорима объективность национального самосознания (народ – не «конструкция в чистом виде», но исторически подвижная форма с изменчивыми границами), ибо «ничто не кажется более очевидным, чем национальная идентичность» [1: 91].

Специфика объекта исследования определена тем, что социальные системы, являющиеся не «какой-то сущностью», сколько «системами сознания», описываемые обычно в традиционной линейной прогрессии прошлого, настоящего и будущего, обретают кратковременную стабильность в динамике своего становления и последующего развития. Ушедшие в небытие «первородные» элементы замещаются другими, новыми и соотнесенными с определенными моментами времени «актуальными» элементами, затем распадающимися под воздействием исторических обстоятельств. Принципиально различие социальной системы, имеющей свои отчетливые границы (это ее форма, «вид и конкретность тех операций системы, которые ее индивидуализируют») и освоенного, при том далеко не всегда «окультуренного» данным коллективом, жизненного пространства [9: 53, 78].

Методологию определим одним подходящим рассуждением Г. Зиммеля: наши представления в области знания определены «целесообразностью жизни», однако точность, смысл и направленность их «может оставаться под вопросом»; решающей оказывается «витальная детерминанта», проявляющаяся в том, что «знание, каким бы фрагментарным и случайным оно ни казалось, всегда предстает как в той или иной степени замкнутая и удовлетворяющая связь»; оправдание этого единства логики и фактического содержания «комплексов знания» заключается в «суверенной» жизненной ситуации [7: 43]. Различение фактографии и ее литературной обработки в используемом для анализа исландских социальных общностей тексте не требует строгого разграничения, поскольку ментально окрашенные нарративы репрезентируют факты художественного пространства, не искажающие действительность исторического контекста биографии.

Эмпирический материал весьма своеобразен и достаточно репрезентативен. «Сага о Греттире» записана в начале XIV века; исследователям известны четыре пергамента (артефакты музейной ценности), датируемые веком позже; вполне динамичное повествование охватывает более столетия, от времени переселения в Исландию примерно в 900 году прославленного норвежского викинга Энунда Деревянной Ноги, разругавшегося с королем Харальдом Прекрасноволосым, до смерти в 1031 году уже его строптивого правнука Греттира, сына зажиточного и уважаемого Асмунда, дважды объявленного тингом вне закона и прожившего с этим сомнительным правовым статусом, отбиваясь от всех своих кровных врагов, почти двадцать лет (см. обзор современных исследований: [25]).

Основное содержание. Героические нарративы исландской реальности

Социальная общность, согласно Г. Зиммелю, является непосредственной «априорной основой» всякого нормотворчества, мерой правильности или же, напротив, ошибочности представлений и действий индивидуума, который сможет достигнуть своих жизненных целей лишь присоединившись к общности и при ее коллективном содействии; изоляция от общности означает утрату «самостоятельных ценностей»; отношения солидарности основываются на индивидуальных действиях, однако сама природа «упорядочивания» и «обобществления» такова, что не позволяет каждому отдельному человеку ограничиваться в своей жизнедеятельности только личным интересом; к удовлетворению своих потребностей человек стремится обязательно в союзе с другими. «Поток жизненного единства» устанавливает «тональность» социального общения, предпосылкой служит определенная психологическая «структура представления» о другом человеке; «чистую индивидуальность» весьма трудно вычленишь, «определенность личности являет себя часто только как специфическое различие, в котором предстает это общее» [7: 62-63]. Таково диалектическое единство общего и частного («единичного» в социально-философском и в социологическом уточнении).

Классическая социология различает общинный («социально-органический») и общественный («социально-атомистический») типы связей. Социальные общности в первом случае характеризуются слитной цельностью и внутренним единением консолидированных «единичных индивидов»; редко кто из них при особых обстоятельствах может попытаться оборвать «пуповину, связующую его с племенем или с общностью»; во втором случае мы имеем дело с трансформирующимися, модернизированными социальными общностями, где индивиды разъединены, вступают только во внешние связи; «каждый обслуживает другого, чтобы обслужить самого себя; каждый взаимно пользуется другим как своим средством, каждый достигает своей цели лишь поскольку служит средством для другого и только будучи для себя самоцелью» [11: 190]. Традиция, согласно К. Марксу, на этом переходном этапе общественного развития (от традиционного общества закрытого типа к открытому) еще воспринимается неким абсолютным законом; дисциплина, порядок и добросовестность образуют «жизненный императив» [12: 350]. Исключительное значение «элемента коллективизма» особо отмечал также К. Поппер [14: 34]. Исландские социальные общности «*времени саг*» законсервированы на историческом распутье между прошлым и настоящим.

Интерпретация социальной общности в современной западной социологии учитывает географический и социокультурный факторы; всякая «институциональная» система имеет тенденцию к самосохранению, социальный порядок во многом зависит от регулирующих поведение индивида «ориентаций» (альтруизм, эгоизм); «чувство единства» в составе определенной группы обусловлено системой «ролей и статусов»; определенное значение в человеческой деятельности имеют разного рода «аффекты», что дает основание рассматривать общество «символической интеракцией» [29: 62-66, 84-92]; [30], [26].

Вообще «референция» общества как совокупности различных функциональных систем, рассматриваемой в ракурсе аналитической философии, оказывается серьезной проблемой, понятие смысла может отличаться от предметного значения, содержащего минимум два содержательных компонента [19: 232-233], многообразие «общественных операций», их конституирующих, предполагает множественность «дескрипций» свойств и характеристик, присущих исследуемому объекту. Идентичность порождается социокультурной коммуникацией – межличностной и общественной, «воспроизводство коммуникаций» является важнейшей функцией; этим не снимается вопрос о «первоначалах» интересующих нас социальных общностей и социальной природе человека: парадокс в том, что необходимость для общества конкретного человека ничем не подтверждается [9: 10]. Еще одна проблема теоретического осмысления сути рассматриваемого вопроса – контроверза между экономической (политэкономической) и культурной (духовной) детерминациями общества.

Совпадение общего и частного (не характерное для современного человека) в исландском образе жизни – рудимент архаичной культурной традиции (сюжетное пространство «*саг об исландцах*» автономно от мифологического «субстрата», однако влияние сказочных мотивов «Эдды» заметно), личность иначе, нежели в эпосе, взаимодействует с группой, состоящей из неопределенного количества индивидуумов, у которых «индивидуально только имя» [18: 58, 81]; [4: 20]. Но что-то уже сдвинулось со своего привычного места.

Перманентный распад общины (то есть «дифференциация группы») зафиксирован в саге упоминанием того, как запросто занимают землю очередные переселенцы (непосредственно из Норвегии и с успешно колонизированных Гебридских Островов), всякий новый хутор образуется «почкованием» от уже существующих, принадлежащих гостеприимным родичам, партнерам по торговым и разбойным делам (многие «промышляли здесь и там, не останавливаясь перед насилием»);

начальным капиталом, помимо необходимого инвентаря для обустройства, становятся дочери на выданье из известных семейств, крепких хозяйств. Топонимы отражают произошедшие изменения в традиционной структуре общества. Сообщается, что отец Греттира – уважаемый бонд – в благодарность за помощь в судебных делах покровительствует некоему Торвальду, который вскоре сделался «большим человеком», и купил землю выросшему в его доме силачу Торгильсу (очевидно, выполнявшему функции телохранителя хозяина), который с его помощью и занятием китобойным промыслом «нажил большое хозяйство». Судя по описываемым событиям (бесконечные распри, вопиющие нарушения старинных законов отдельными представителями богатеющей верхушки общества, спровоцированные ими преступления борцов за справедливость), уже в «дедовские» времена «органическое единство» общины в реальности размывалось. Пассионарные силы социума (специфического – «поехавшие с домочадцами» в Исландию все как на подбор безбожники, неуживчивые храбрецы и прагматичные искатели счастья и славы) становились все более деструктивными.

Вот одна из таких историй с непосредственным участием легендарного прадеда нашего героя. Ввиду скоропостижной кончины некоего переселенца и отсутствия законного наследника (его сын «за морем») один из важных «мужей», человек алчный и кичащийся близостью «сильным мира сего», прикрываясь авторитетом конунга, который «вправе распоряжаться наследством всех иноземцев», притязает на чужое имущество. Обиженные незаконным решением обнаглевших богачей бедные родственники обращаются за помощью к прославленному защитнику униженных и оскорбленных. Предпринятые Энундом действия выходят за правовое поле, мстителей совсем не интересует общественное мнение.

Летом у Грима наварили много пива, потому что ожидали в гости Аудуна ярла. Проведав об этом, Энунд и сыновья Эндотта отправились к Гримову двору и, застигнув его врасплох, подожгли дома... Они захватили там много всякого добра. Энунд скрылся в лесу, а братья взяли лодку Ингьяльда, своего воспитателя, отойдя на ней от хутора, притаились неподалеку. Аудун ярл явился, как было условлено, на пир, но не нашел своего друга. Он созвал народ, но так и не напал на след Энунда и его товарищей [17: 11-12].

Далее события разворачиваются в духе «войны всех против всех». Одни без колебаний нападают на ярла, взломав дверь в жилище, где он укрылся с двумя слугами, нападающие под угрозой оружия требуют виры за давным-давно убитого отца. Ограбленный ярл вымаливает себе жизнь (отныне уничижительное его прозвание – Аудун Заяц). Другие поначалу соблюдают нейтралитет, но затем решают вмешаться.

Когда бонды и местные жители заметили, что творится неладное, все выбежали на помощь ярлу. Произошла жестокая стычка, ибо у Энунда было много людей. В этой стычке пало множество добрых бондов и дружинников ярла [17: 12].

Энунд умудряется выступить арбитром имущественного спора, перешедшего в вооруженное противостояние; вердикт его любопытен: «какая-никакая, а все же месть» будет справедливым наказанием для конунга Харальда, от которого, как выясняется, столько «натерпелись» простые люди.

Основой всякой индивидуальной жизни как таковой является, согласно Г. Зиммелю, не столько сама индивидуальность, обладающая «неповторимой природой» и безграничными возможностями развития (потенциальное «Я» становится реальным в единственно определенной исторической среде), сколько безграничная эмпирическая случайность («только в ней бытие может стать определенной и ею модифицированной жизнью»), отчетливо обозначающая то, к чему мы предназначены; факторы «чисто случайной игры» зачастую перевешивают значимость предустановленной гармонии мира, порождают в нас опасное чувство неиспользованных сил, непонимание смысла связей событий и лиц, разрушительную рефлексию по поводу невыполненных требований («неразрешимых узлов судьбы») [7: 92-93]. Вот подходящая иллюстрация:

Греттир, сын Асмунда, приплыл в то лето в Исландию. Он был тогда так знаменит своей силой, что считали, второго такого нет среди молодежи. Он сразу поехал домой, в Скалу, и Асмунд принял его как должно. Хозяйством заправлял тогда Атли. Братья хорошо сошлись друг с другом. Греттир тогда так возгордился, что считал – все ему по плечу [17: 50].

Обратим внимание, что уже в начале повествования акцентированы будущие серьезные жизненные ошибки заглавного героя саги.

Сага фиксирует бессмысленность спровоцированных Греттиром конфликтов.

К тому времени возмужали те, кто подростками играл с Греттиром на Озере Среднего Фьорда, перед тем как ему уехать. Одним из них был Аудун, живший тогда на Аудуновом Дворе в Ивовой Долине. Он был сыном Асгейра, сына Аудуна, сына Асгейра Буйная Голова. Аудун был хороший хозяин и человек справедливый. Он был сильнее всех там, на севере, и слыл притом за самого покладистого. И вот Греттиру припомнилось, что Аудун будто бы дурно обошелся с ним на играх в мяч, и он вздумал доказать, кто из них стал с тех пор сильнее. С этим на уме Греттир отправляется на Аудунов Двор. Дело было в начале сенокоса. Греттир нарядился во все лучшее и поехал в крашеном седле искусной работы. У него был добрый конь и оружие все самое лучшее. Греттир рано утром приехал на Аудунов Двор и постучался. Мало кто был дома... [17: 52].

«Дурость», стычку (между родственниками, да еще с применением оружия), затеянную по вине Греттира, решительно прерывает некий Барди (за которым могучие братья), судя по манерам и дорожной одежде (верхом, «видный собою, в красной рубахе, а на голове шлем») – человек непростой, с Греттиром после примирения дерущихся они обговаривают одно дело. Наш герой попрекает нового знакомого тем, что тот «вправе действовать по своему усмотрению», а не ссылаться на воспитателя (очевидно, опекуна молодого человека), сам-то он не ставит свои поездки в зависимость от других людей, Барди же куда более осмотрителен в выражениях и поведении.

В сущности, аффективное поведение лежит зачастую «по ту сторону сознательно ориентированного по смыслу действия», пояснял М. Вебер; оно может быть «прямой реакцией на достаточно необычный раздражитель», имеет место сознательная разрядка эмоционального состояния, по большей части («хотя и не всегда») это движение в сторону «целевой рациональности»; смысл состоит не в результате, а в «специфически ориентированном поведении» (удовлетворение потребности в мести, наслаждение унижением другого, безоглядная преданность, блаженство от переносимой боли), удивительно, но есть что-то общее между грубым и возвышенным характерами в этой ситуации [2: 84].

Не в эгоцентризме ли Греттира, не терпящего чужую заносчивость, причина его жизненных неудач, какие неумные «силы, дремлющие в глубинах человеческой природы», пробудились в нем? Ничего выдающегося за свою бестолково прожитую разбойничью жизнь он не совершил. Образцовая – по героическому отношению к смерти – кончина знаменитого воина есть результат вмешательства в его судьбу не только метафорических «свирепых чудовищ психической преисподней» [21: 27]. Странная для сурового реализма саги как жанрового феномена история с ожившим мертвецом Гламом, который снится ему теперь постоянно, приближает моралистический финал повествования; Глам (жертва случайности, не сказочная нечисть, несчастный член общины, которому больше всех не повезло) предсказал его героическую гибель. Индивидуальность вырывается из идентичности, но все еще всецело ей подчинена, потому всякая попытка освободиться от этой тотальности коллектива наказуема. Здесь мы находим лишь некоторую эмпирическую определенность личности как социального типа, «единичного» человека, осознающего свою принадлежность к «абсолютности общего» [7: 63].

«Эгоцентрическая субъективность» является частью личности, отмечал К. Юнг, эта проблема чрезвычайно сложна, устранить ее с помощью разумных доводов невозможно [27: 58]. Сильные натуры («их стоит назвать скорее слабыми») выбирают героический путь противостояния воображаемому или же вполне реальному «злу», решительно сопротивляются парадигме «коллективного бессознательного» («архетипически оформленным идеям»), готовы бросить вызов целому миру, но в конце концов вынуждены признать, что не в состоянии решить собственными силами некоторые жизненные проблемы [2: 28-29]. Личность – замкнутая система, в этом ее существенный недостаток; преодолению «болезненной узости» индивидуальности способствует не столько самопознание, сколько переживание в себе другого. В классической, гегелевской постановке вопроса (об онтологической природе определяющего «импульса жизненности») «мыслящий дух» наиболее продуктивен в том случае, если находится решительно за пределами всех возможных форм рефлексии [3: 250]. В концептуально усложненном современном варианте, неокантианской постановке вопроса (об «освобождении от предпосылок» в толковании мира) акцентируются чисто гносеологические основания; достоверность эмпирических результатов познания неприкосновенна [15: 21]. Социальная идентичность есть результат преодоления такой субъективности [28]. Жизнь – особая «комбинация и концентрация природных сил», определенным образом упорядочивающая силы отдельного активного индивида [8: 58].

Приведем еще одну историю – показательный пример высвобождения (неокончателного) индивида из имманентности кровных и социальных связей общины, это история влюбленных,

осмелившихся пойти наперекор всему.

Ехали они так, ехали, пока не достигли города Рима. И, явившись к тому, кто был поставлен исповедовать людей, они рассказали ему всю правду, как все у них было... Они покорно соглашались на любое наказание, какое он собирается на них наложить. И поскольку они сами пришли к решению искупить свой обман без всякого принуждения и насилия со стороны Церкви, на них наложили самое легкое наказание, какое только было возможно. И призвали их с любовью, чтобы они, вооружившись разумом, позаботились о своей душе и, заслужив отпущение грехов, жили праведной жизнью... [17: 146].

Заметим, что речь идет о родичах Греттира, принадлежащих уже к следующему поколению. Судьба наших предков зависела во многом от того, что думали о них другие; одобрение или неодобрение группой – решающий фактор [10: 55].

Заселение Исландии вызывает любопытные параллели со становлением древнегреческого полиса – показательного примера революционного перехода от архаичной социальной модели к модернизированной: пространственное восприятие политического устройства «федерации» хуторов, бурный прирост активного населения, напряжение внутри правящего класса, колонизация как попытка разрешить назревающий кризис; выносящиеся сообща решения, специализированные общественные функции «лучших мужей», самосознание «пассионариев». Что подтверждает типологический характер выводов.

В вопросе о социальной динамике, противоположной социальной статике, К. Поппер подчеркивал важность «элемента коллективизма», исключительное значение «некоторой» группы или коллектива, без которых индивид – ничто [14: 34, 41]. Соотношение индивидуального и коллективного в современной социологической теории атрибутируется как «проблема порядка» [23]; порядок на макроуровне континуума складывается извне и порождается общественными явлениями, на микроуровне упорядоченность (вообще-то индивидуалистическая по своей природе) возникает из «индивидуальных договоренностей». Эпистемологическое различие обусловлено акцентированием диалектической взаимосвязи анализируемых структур и феноменов, либо противостоящего «принудительному» коллективному порядку «индивидуального волюнтаризма», то есть «нерациональной» произвольной деятельности [16: 422-423]; [24: 41-42]; [13: 237-238].

Непрерывный процесс «конструирования» индивидуальности Э. Гуссерль описывал следующим образом: с каждым исходящим из «центрирующего Я» актом суждения (принимаемого решения относительно некоторого бытия) или же любого действия (волевого решения в соответствии с убеждениями и по привычке) образуется не только очередной предметный смысл постигаемых феноменов действительного мира, но также кристаллизуется «для меня значимое», при этом не прерывается связь индивидуума с социумом – благодаря сохраняющейся «совокупности привычных ориентаций» [5: 50]. Изменения модусов «активных позиций» при этом могут принимать негативную форму; наглядным примером тому можно рассматривать зафиксированное объективным и бесстрастным рассказчиком вызывающее асоциальное поведение скандалиста Греттира.

Что касается национальной идентичности (оставим за рамками исследования более поздние эпохи повышенного политического внимания к данной теме), то это противоречивый социальный феномен, основными «дескрипциями» которого являются «реальность неустойчивости его существования и отрицание этой реальности»; для правильной оценки всякой идентичности необходимо воспринимающееся необратимым, «запечатленное в камне» прошлое; это «центральный элемент» в социализации, в поддержании внутригрупповой солидарности, в утверждении и смене социальных норм [1: 83, 93]. Неустойчивость идентичности – сущностное свойство постоянно меняющегося реального социального мира; «выбитое на камне» может на каком-то этапе исторического развития утратить свою значимость. Исландские социальные общности «*времени саг*» формировали подвижную идентичность (промежуточную между архаикой родового общества и современностью национального государства), в которой индивид с разветвленными родовыми связями оставался крайне необходимой единицей в построении всех конструкторов социального и этнического характера.

Заключение

Итак, общество – всеохватывающая социальная система, сущностное содержание которой раскрывается посредством логической процедуры строгого отграничения от всего внешнего, дифференциации и сопоставления с природной системой окружающего мира [22]. Значение познаваемых содержаний «жизненных рядов» позволяет рассматривать такие аксиологические конструкторы (на основе определенных ментальных концептов) самостоятельными ценностями,

заряженными «витальной» энергетикой [8: 47]. Следовательно, единство общества не может быть сведено к чему-то существенному и на данный исторический момент существующему, любые противоречащие истолкования отклоняются как заблуждения, между тем они отображают особенности трансформации важнейших элементов социальной системы – воспроизводящихся дифференцирующих операций [9: 94]. Социологические «априорности» двойственны: с одной стороны, они более или менее полно определяют действительные «обобществления» (например, производство из индивидов общественного единства), с другой стороны, их истинность обусловлена логическими предпосылками воображаемого общества; в реальности процессы социализации – конкретные процессы в индивидуальном сознании преимущественно; взаимосвязь между какой-либо индивидуальностью и данной исторической средой вполне случайна [7: 92].

Вместе с тем чувство собственной истинности, сопричастности миру и своей социальной общности побуждает индивида к самостоятельному и полноценному решению определенных жизненных задач на каждом меняющемся расклад действующих сил историческом этапе развития того или иного общества. Осознание целостности идентичности, к которой принадлежит человек (в трактовке Э. Эриксона понятием идентичности обозначена совсем не та «тождественность», которой в отечественном научном дискурсе описываются разнородные феномены социального и этно-конфессионального плана [20]), коррелируется бессознательным стремлением к независимости (на основе переоценки сохраняющейся значимости коллективных идеалов), солидарность с группой, сдерживающая и ограничивающая потенциал личности, заменяется на более эгоистическую модель социального поведения.

На примере судьбы героя известной саги мы воочию видим последствия тектонических изменений в социальном ландшафте Исландии «*времени саг*»; новое далеко не всегда оказывается лучшим – по отношению к преодолеваемому «старому» (диалектика традиции – тема отдельного разговора).

Список литературы

1. Балибар Э., Валлерстайн И. Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности. М.: Логос, 2004. 288 с.
2. Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии. Т. 1. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. 445 с.
3. Гегель Г. В. Ф. Философия религии. Т. 1. М.: Мысль, 1975. 532 с.
4. Гуревич А. Я. Избранные труды. Норвежское общество. М.: Традиция, 2009. 470 с.
5. Гуссерль Э. Картезианские медитации. М.: Академический Проект, 2010. 229 с.
6. Дильтей В. Описательная психология. М.: РИПОЛ классик, 2018. 290 с.
7. Зиммель Г. Избранное: в 2 т. Т. 2: Созерцание жизни. М.: Юрист, 1996. 607 с.
8. Зиммель Г. Избранное. Проблемы социологии. М.; СПб.: Университетская книга, 2015. 416 с.
9. Луман Н. Общество как социальная система. М.: Логос, 2004. 232 с.
10. Майерс Д. Социальная психология. СПб.: Питер, 2010. 794 с.
11. Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Т. 46. Ч. 1. М.: Изд-во политической литературы, 1968. 318 с.
12. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. 1. М.: Государственное изд-во политической литературы, 1952. 796 с.
13. Парсонс Т. Система современных обществ. М.: Аспект Пресс, 1997. 269 с.
14. Поппер К. Р. Открытое общество и его враги. Т.1. М.: Феникс, 1992. 448 с.
15. Риккерт Г. Философия жизни. Киев: Ника-Центр, 1998. 505 с.
16. Ритцер Д. Современные социологические теории. СПб.: Питер, 2002. 688 с.
17. Сага о Греттире. Пер. М. И. Стеблин-Каменского. М.: Наука, 1976. 178 с.
18. Стеблин-Каменский М. С. Миф. Л.: Наука, 1976. 104 с.
19. Фреге Г. Логика и логическая семантика. М.: Аспект Пресс, 2000. 512 с.
20. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М.: Флинта; Прогресс, 2006. 352 с.
21. Юнг К. Г. Архетипы и коллективное бессознательное. М.: АСТ, 2019. 496 с.
22. Allan K. The social lens: an invitation to social and sociological theory. Thousand Oaks: Pine Forge Press, 2006. 607 p.
23. Alexander J. C., Colomy P. B. (eds.) Differentiation theory and social change: comparative and historical perspectives. New York: Columbia University Press, 1990. 510 p.
24. Alexander J. C., Giesen B., Munch R. (eds.) The micro-macro link. Berkeley: University of California Press, 1987. 400 p.

25. Carol J. C., Lindow J. *Old Norse-Icelandic Literature: A Critical Guide.* New York: Cornell University Press, 2019. 376 p.
26. Charon J. *Symbolic interactionism: an introduction, an interpretation, an integration.* New Jersey: Prentice Hall, 2001. 238 p.
27. Clark G. *Carl Jung and the evolutionary sciences. A new vision for analytical psychology.* New York: Routledge, 2025. 198 p.
28. Myers D. G. *How do we know ourselves? Curiosities and marvels of the human mind.* Farrar: Straus and Giroux, 2022. 272 p.
29. Renée C. F., Lidz V. M., Bershady H. J. (eds.). *After Parsons – a theory of social action for the 21st century.* New York: Russell Sage Foundation, 2005. 349 p.
30. Ritzer G., Stepnisky J. *Sociological theory.* New York: McGraw-Hill, 2014. 671 p.

References

- Allan K. *The social Lens: An Invitation to social and sociological Theory.* Thousand Oaks, 2006. 607 p.
- Alexander J. C., Colomy, P. B. (eds.). *Differentiation Theory and social Change: comparative and historical Perspectives.* New York, 1990. 510 p.
- Alexander J. C., Giesen, B., Munch R. (eds.). *The Micro-macro Link.* Berkeley, 1987. 400 p.
- Balibar E., Wallerstein I. *Race, Nation, Class: Ambiguous Identities.* Moscow, 2004. 288 p. (In Russ.)
- Carol J. C., Lindow J. *Old Norse-Icelandic Literature: A Critical Guide.* New York, 2019. 376 p.
- Charon J. *Symbolic Interactionism: An Introduction, an Interpretation, an Integration.* New Jersey, 2001. 238 p.
- Clark G. *Carl Jung and the evolutionary Sciences. A new Vision for analytical Psychology.* New York, 2025. 198 p.
- Dilthey W. *The describes Psychology.* Moscow, 2018. 290 p. (In Russ.)
- Erikson E. *Identity and the Life Cycle.* Moscow, 2006. 352 p. (In Russ.)
- Frege G. *Logic and logical Semantic.* Moscow, 2000. 512 p. (in Russ.)
- Gurevich A. I. *Selected works. Norwegian society.* Moscow, 2009. 470 p. (In Russ.)
- Hegel G. W. F. *Philosophy of Religion. Vol. 1.* Moscow, 1975. 532 p. (In Russ.)
- Husserl E. *Cartesian Meditations.* Moscow, 2010. 229 p. (In Russ.)
- Jung K. G. *Archetypes and the collective Unconscious.* Moscow, 2019. 496 p. (In Russ.)
- Luhmann N. *Society as System.* Moscow, 2004. 232 p. (In Russ.)
- Marks K. *Capital. Vol. 1.* Moscow, 1952. 796 p. (In Russ.)
- Marks K., Engels F. *Collected Works. Vol. 46.* Moscow, 1968. 318 p. (In Russ.)
- Myers D. G. *Social Psychology.* St.-Petersburg, 2010. 794 p. (In Russ.)
- Myers, D. G. *How do We know Ourselves? Curiosities and Marvels of the Human Mind.* Farrar, 2022. 272 p.
- Parsons T. *The System of modern Societies.* Moscow, 1997. 269 p. (In Russ.)
- Popper K. R. *The open Society and its Enemies. Vol.1.* Moscow, 1992. 448 p. (In Russ.)
- Renée C. F., Lidz, V. M., Bershady, H. J. (eds.). *After Parsons – a Theory of social Action for the 21st Century.* New York, 2005. 349 p.
- Rickert H. *Philosophy of Life.* Kiev, 1998. 505 p. (In Russ.)
- Ritzer G. *Toward an integrated sociological Paradigm.* St.-Petersburg, 2002. 688 p. (In Russ.)
- Ritzer G., Stepnisky J. *Sociological Theory.* New York, 2014. 671 p.
- Simmel G. *Selected Works. Vol. 2.* Moscow, 1996. 607 p. (In Russ.)
- Simmel G. *Sociology.* Moscow, 2015. 416 p. (In Russ.)
- Steblin-Kamenskii M. I. (ed.). *Grettir's Saga.* Moscow, 1976. 178 p. (In Russ.)
- Steblin-Kamenskii M. S. *Myth.* Leningrad, 1976. 104 p. (In Russ.)
- Weber M. *Farming and Society. Essays on understanding Sociology. Vol.1.* Moscow, 2016. 445 p. (In Russ.)

INDIVIDUAL AND THEIR “FLUID” IDENTITY: ICELANDIC SOCIETY IN GRETTIR’S SAGA

MISYUROV
Nikolay

*PhD in Philosophy,
Professor of Department of Journalistic and Media
Linguistics,
Dostoevsky Omsk State University,
Omsk, Russia Federation, misiurovnn@omsu.ru*

Keywords:

organic unity of society
single individual
fluid identity
heroic narrative

Summary:

The Icelandic society of the “time of the sagas” is a peculiar historical phenomenon, and the sociological studies of its uniqueness provide sufficient grounds for typological conclusions. The empirical material for the analysis is Grettir’s Saga, a literary monument that records certain changes in the traditional social structure of the “federation of farms” during the era of Iceland’s settlement (linked to the adoption of Christianity in Norway and the ousting of “passionary” individuals and professional groups adhering to the “tradition” outside the boundaries of the emerging unitary nation-state). Both theoretically and practically, the analysis of the pronounced individuality accentuated in the heroic narrative of the biography of the famous obstinate “fighter”, a nonconformist who ended his life as an outcast, is productive in the context of the interaction between the individual and society. It is argued that the “reference” of the social structure with different types of connections (communal and “corporate” communities affected by property stratification, Viking communities, whalers, and merchants) depends not so much on the method of “representing” facts and events, interpreted either objectively or subjectively, but on the choice of effective “descriptions”, with the methodological aspect being of paramount importance. It is also stated that the coexistence of preserved archaic elements with elements of the modernized “new reality” resulted in a distinctive “fluid” identity, both ethnically and socially. The study concludes that this evolution of Icelandic social communities entailed a permanent and inevitable “essential” shift in the basic principle of “collectivism” (from solidarity to competition), and the decisive factor behind this transformation was the individual’s life potential. From this perspective, the conceptualized fate of an individual becomes a projection of the fate of the people.

УДК 007

Проблема соотношения эмпирического и теоретического знания в науке

**УЛАНОВ
ДАНИЛА
ДМИТРИЕВИЧ**

*аспирант кафедры философии,
Московский государственный технический
университета имени Н.Э. Баумана, кафедра
философии,
Москва, Российская Федерация,
ulanovdan_2015@yandex.ru*

Ключевые слова:

структура научного знания
эмпирическое знание
теоретическое знание
взаимосвязь уровней научного
знания

Аннотация:

Цель статьи – раскрыть специфику и взаимосвязь эмпирического и теоретического уровней научного знания, показать принципиальные различия между ними и особенности перехода от эмпирического уровня к теоретическому в процессе научного познания. Согласно концепции С. А. Лебедева, различие между эмпирическим и теоретическим уровнями знания носит как онтологический, так и методологический характер. Эмпирическое знание основано на содержании чувственного знания как модели объективной реальности, тогда как теоретическое знание описывает свойства и отношения создаваемой мышлением идеальной реальности. Поэтому переход от эмпирического уровня научного знания к его теоретическому не является логическим обобщением фактов, а представляет собой конструктивный продукт мышления, описывающий теоретические объекты, их свойства и законы, непосредственно не наблюдаемые в чувственном опыте. В статье показано, что прямого логического моста «от опыта к теории» и обратно не существует: индуктивное обобщение конечного эмпирического материала по своей природе гипотетично, а теоретические конструкции не выводимы чисто из наблюдений. Вместе с тем теория без эмпирического контакта лишается критерия применимости, а эмпирия без теоретической обработки – смысла и связности. Поэтому научное познание развивается в виде диалектики: разум, конструируя идеальные объекты и теоретические схемы, формирует инструменты понимания; рассудок и эмпирическая практика, верифицируя и проверяя следствия этих схем, возвращают теории эмпирические ориентиры и рамки применимости. Важной составной частью этого процесса являются интерпретативные (редукционные) предложения – правила соответствия между теоретическими терминами и эмпирическими данными – которые носят частично конвенциональный характер и требуют осознанного методологического обоснования.

© 2026 Петрозаводский государственный университет

ВВЕДЕНИЕ

Научное познание представляет собой сложную, многоуровневую систему, в которой происходит взаимодействие чувственного опыта и рационального мышления. Одной из центральных проблем философии науки является соотношение эмпирического и теоретического знания, то есть вопрос о том, как данные опыта соотносятся с логическими конструкциями и теоретическими моделями, создаваемыми научным мышлением. От трактовки этого соотношения зависит понимание природы науки, ее методов и критериев истинности научных утверждений.

Современная философия науки признает, что наука не может быть сведена только к эмпирическому описанию фактов. Эмпирическое знание фиксирует наблюдаемые явления, формулирует факты и эмпирические законы, но не раскрывает глубинные механизмы происходящих процессов. Для этого необходим теоретический уровень знания, где формируются идеальные объекты, законы и модели, отражающие сущностные связи и отношения. Между эмпирическим и теоретическим уровнями существует не только связь, но и принципиальное различие, требующее философского осмысления.

Актуальность темы определяется тем, что взаимосвязь эмпирического и теоретического знания остается ключевой для понимания логики и структуры научного познания. В современной науке, где эмпирические данные приобретают все больший объем и значение, без теоретического осмысления они не способны стать полноценным элементом научного знания. Вот почему изучение соотношения эмпирического и теоретического знания в науке имеет важное научно-методологическое и философское значение.

Цель статьи – раскрыть специфику и взаимосвязь эмпирического и теоретического уровней научного знания, показать принципиальные различия между ними и особенности перехода от эмпирического уровня к теоретическому в процессе научного познания.

Для достижения цели решаются следующие задачи:

- 1) рассмотреть содержание и структуру эмпирического уровня научного знания;
- 2) проанализировать особенности теоретического уровня знания и его онтологические основания;
- 3) раскрыть характер связи между эмпирическим и теоретическим уровнями познания;
- 4) показать философское значение проблемы их соотношения для понимания природы научного знания.

1. Эмпирический уровень научного знания

Эмпирический уровень научного знания представляет собой фундаментальную основу всей научной деятельности. Он связан с непосредственным опытом, наблюдением и экспериментом, то есть с теми явлениями и фактами, которые доступны чувственному восприятию. На этом уровне научное знание формируется как результат взаимодействия чувственного опыта с мышлением и языком, позволяя ученому фиксировать и систематизировать данные о реальности.

1.1. Сущность эмпирического знания

Эмпирическое знание возникает на основе обработки информации о наблюдаемых явлениях. Оно является рациональной надстройкой над чувственным опытом, превращая отдельные ощущения и восприятия в систематизированные данные, пригодные для научного анализа. Чувственный опыт фиксирует конкретные события и состояния объектов, тогда как эмпирическое знание интерпретирует эти данные, формулируя осмысленные высказывания о мире.

Между чувственным и эмпирическим знанием существует содержательный и логический разрыв: эмпирическое знание не выводится напрямую из наблюдений, а создается мышлением как осмысленная структура. Это различие подчеркивает, что наука никогда не сводится просто к описанию ощущений. Так, фиксируя отдельные явления, ученый уже вводит концептуальные категории – «объект», «свойство», «состояние», что делает знание рационально организованным.

Эмпирический уровень знания выполняет несколько ключевых функций:

- 1) Фиксация и документирование явлений. Ученый систематически собирает данные о событиях, фиксируя их характеристики, условия и контекст наблюдения.
- 2) Систематизация и первичная интерпретация. Собранные данные упорядочиваются и анализируются, выявляются повторяющиеся закономерности и тенденции.
- 3) Подготовка к построению теорий. Эмпирическое знание формирует основу, на которой могут строиться более высокие уровни научного познания – теоретические модели и законы.

Важно подчеркнуть, что эмпирическое знание обладает двойственной природой: оно одновременно связано с опытом и является продуктом рационального мышления. Это делает его своеобразным мостом между непосредственной чувственной информацией и абстрактной теоретической реальностью.

1.2. Основные формы эмпирического знания

Эмпирический уровень научного знания включает несколько подуровней, различающихся степенью обобщения и формальной структурой. Эти формы представляют собой ступени – от непосредственного наблюдения до системного описания закономерностей и феноменов.

1. Протокольные предложения

Протокольные предложения фиксируют отдельные наблюдения и измерения. Они имеют форму атрибутивных высказываний «А есть В» и содержат указание на время, место и условия наблюдения. Языком протоколов может быть как естественный язык, так и специальная техническая символика, что обеспечивает точность и воспроизводимость данных.

Истинность протокольного предложения определяется степенью соответствия его содержания наблюдаемому явлению. При этом окончательное решение о тождестве факта и высказывания носит во многом конвенциональный или консенсуальный характер. Это означает, что оценка истинности не является чисто объективной – она всегда опирается на мнение научного сообщества относительно того, как правильно описывать явления и что считать значимым наблюдением.

Примеры протокольных предложений можно найти в классических экспериментах: это, например, измерение температуры кипящей воды при определенном атмосферном давлении или фиксация положения небесного тела в астрономических наблюдениях. Эти данные сами по себе еще не образуют законов, но служат фундаментом для их формирования.

Протокольные предложения играют ключевую роль в эмпирическом исследовании, поскольку создают базу данных для анализа и последующего обобщения. Без точной фиксации наблюдаемых фактов невозможно выявить закономерности и сформулировать научные гипотезы.

2. Научные факты

Научные факты формируются в результате анализа и обобщения множества протоколов наблюдения. Они представляют собой общие высказывания о свойствах и закономерностях объектов и явлений. В отличие от протокольных предложений, которые фиксируют единичные события, факты обобщают повторяющиеся закономерности или характерные особенности, выявленные через наблюдения и эксперименты.

Большинство фактов выражается в виде статистических утверждений, отражающих тенденции и повторяемость явлений. Например, утверждение «Вода закипает при 100° С на уровне моря» является научным фактом, поскольку оно подтверждается множественными измерениями в заданных условиях.

Основной метод производства научных фактов – это перечислительная индукция. Истинность факта оценивается через соответствие совокупности исходных протокольных предложений. При этом факты никогда не могут полностью претендовать на абсолютную универсальность: их истинность всегда соотносится с наблюдаемыми событиями в конкретных условиях.

Факты являются результатом применения логического мышления к наблюдаемым данным, что позволяет систематизировать отдельные наблюдения в более общие формы знания. Их роль особенно важна для построения эмпирических законов и дальнейшего перехода к теоретическому уровню научного познания.

3. Эмпирические законы

Эмпирические законы выражают всеобщие и необходимые связи между наблюдаемыми явлениями, состояниями или свойствами объектов. Они служат инструментом систематизации наблюдений, позволяя выявлять устойчивые закономерности и прогнозировать поведение природных и социальных систем. В отличие от фактов, которые фиксируют конкретные свойства и события, эмпирические законы утверждают повторяемость и закономерное взаимодействие элементов системы, формулируя принципы функционального, причинно-следственного либо структурного характера.

Эмпирические законы не могут быть выведены чисто логически из наблюдений или фактов, поскольку данные опыта всегда конечны, а законы предполагают универсальность и необходимость. Например, закон Бойля – Мариотта формулирует причинно-следственную связь между давлением и объемом газа, позволяя предсказывать поведение газа в условиях, не наблюдаемых напрямую в эксперименте. Другой пример – закон всемирного тяготения, который обобщает наблюдения за движением планет и тел, предсказывая их взаимодействие в пространстве.

Эмпирические законы вводятся мышлением конструктивным образом, зачастую в форме гипотез, которые затем подвергаются проверке и верификации через опыт и наблюдение. Методы индукции и обратной дедукции позволяют формулировать законы на основе фактов, однако один и тот же набор наблюдений может породить множество альтернативных законов, что подчеркивает гипотетический, когнитивно-волевой характер принятия закона как элемента знания.

Кроме того, эмпирические законы обладают прогностической функцией: они позволяют исследователю делать выводы о явлениях и процессах в новых условиях, создавая основу для разработки технологий и прикладных решений. Например, знание законов термодинамики используется при проектировании двигателей, холодильных и тепловых установок, а законы генетики – при проведении селекционных работ и в биотехнологических исследованиях.

4. Феноменологические теории

Феноменологические теории представляют собой организованную систему эмпирических законов, объединенных на основе определенных онтологических и методологических принципов. Они обеспечивают системное описание наблюдаемых свойств объектов и процессов, упорядочивая знания в рамках конкретной научной дисциплины.

Такие теории позволяют логически обобщать содержание своих подуровней, формируя структурированные модели для прогнозирования и анализа явлений. Однако они действуют только в пределах эмпирического уровня, не создавая идеальных объектов и понятий, характерных для теоретического уровня научного знания.

Примеры феноменологических теорий включают:

В естественных науках:

- классическая механика, объединяющая законы Ньютона и законы сохранения энергии;
- теория колебаний и волновых процессов, систематизирующая наблюдаемые закономерности.

В социальных науках:

- теория спроса и предложения, обобщающая наблюдаемые экономические факты, создавая модели для прогнозирования рыночных изменений;
- социологические модели, анализирующие закономерности поведения групп, построенные на эмпирических данных наблюдений и опросов.

В технических дисциплинах:

- инженерные расчеты опираются на феноменологические формулы, которые агрегируют множество эмпирических зависимостей материалов и процессов.

Феноменологические теории обеспечивают связь между фактическими наблюдениями и теоретическим обобщением, играя ключевую роль в развитии науки: они дают возможность проверять законы, выявлять исключения и уточнять модели, а также служат базой для формирования новых гипотез и перехода к теоретическому уровню научного знания.

1.3. Особенности истинности и верификации эмпирического знания

Истинность на эмпирическом уровне оценивается через соответствие высказываний наблюдаемым явлениям, их воспроизводимость и устойчивость в различных условиях.

Протокольные предложения проверяются на точность описания конкретных событий и условий эксперимента.

Научные факты оцениваются через повторение наблюдений, статистическую обработку данных и выявление закономерностей.

Эмпирические законы и феноменологические теории требуют систематической проверки посредством экспериментов, прогнозирования поведения систем в новых условиях и сопоставления с другими фактами и наблюдениями.

Ограничения эмпирического знания проявляются в нескольких аспектах:

- 1) Конечность эмпирического опыта – невозможно получить всеобъемлющие наблюдения;
- 2) Влияние субъективного восприятия и условий эксперимента – данные могут содержать ошибки или отклонения;
- 3) Гипотетический характер научных формулировок – законы и теории создаются как предположения, требующие дальнейшей проверки.

Как отмечает С. А. Лебедев, опыт не дает оснований для абсолютно точных утверждений, поскольку результаты любого, даже многократно повторенного эксперимента, могут быть следствием случайных флуктуаций. Любое конечное количество испытаний, сколь бы большим оно ни было,

остается бесконечно малым по отношению к множеству всех возможных случаев. Поэтому эмпирический уровень знания не способен окончательно подтвердить истинность закономерностей – он лишь указывает на их вероятностный характер.

В связи с этим принятие эмпирических законов и теорий в научном сообществе основывается не только на соответствии наблюдениям, но и на консенсусе, критическом анализе и конструктивной интерпретации данных.

Эмпирический уровень научного знания выполняет несколько ключевых функций:

- 1) фиксирует наблюдаемые явления и процессы;
- 2) обеспечивает систематизацию опыта и формирование научных фактов;.
- 3) создает законы, позволяющие прогнозировать поведение систем;
- 4) структурирует знания в виде феноменологических теорий.
- 5) обеспечивает основу для проверки и уточнения теоретических моделей.

Несмотря на ограниченность и гипотетический характер отдельных элементов эмпирического уровня, именно он обеспечивает непосредственную связь науки с реальным опытом, служит базой для построения теоретических конструкций и играет фундаментальную роль в развитии научного знания в целом.

2. Теоретический уровень научного знания

Теоретический уровень представляет собой более высокий этап развития научного познания по сравнению с эмпирическим. Если эмпирический уровень направлен на описание явлений и установление закономерностей, выявляемых непосредственно в опыте, то теоретический уровень ориентирован на раскрытие сущности, внутренних механизмов и закономерных связей, лежащих за пределами чувственно-воспринимаемого. Он не просто обобщает факты, а конструирует систему идеальных понятий и моделей, с помощью которых объясняются наблюдаемые явления.

Теоретическое знание строится не из наблюдений, а из мыслительных конструкций, которые рационально осмысливают опыт и выходят за его пределы. Как подчеркивает С. А. Лебедев, теория – это система идеальных объектов, существующих в сфере мышления, но применяемых для описания и объяснения реальных процессов. Эти объекты не даны в опыте, они создаются мышлением как средство проникновения в сущность вещей. Поэтому теория является формой рационального, понятийного знания, где центральную роль играет разум как способность выходить за рамки непосредственного опыта.

Согласно концепции В. С. Стёпина, структура теоретического уровня включает два вида теорий: фундаментальные теории, которые задают общие принципы и категории познания, и частные теории, конкретизирующие эти принципы в определенных областях знания. Фундаментальные теории обладают мировоззренческим характером (например, классическая механика Ньютона, термодинамика, квантовая теория, теория относительности), а частные – направлены на описание конкретных классов явлений в рамках данных принципов. Однако все они объединены единой логикой теоретического мышления – стремлением выявить внутренние, сущностные связи, недоступные непосредственному наблюдению.

Особая роль на теоретическом уровне принадлежит логическим операциям мышления, среди которых центральное место занимают абстрагирование, идеализация, интуиция и моделирование.

Абстрагирование позволяет выделить существенные свойства объекта, отвлекаясь от случайных и второстепенных признаков.

Идеализация создает мысленные конструкции, для которых в реальности не существует точных аналогов (например, абсолютно твердое тело, идеальный газ, материальная точка).

Интуиция играет роль связующего звена, позволяя разуму увидеть целостность явлений, которую рассудок фиксирует лишь частично.

Моделирование становится инструментом теоретического познания, с помощью которого идеальные конструкции применяются для описания реальных процессов.

В этом контексте С. А. Лебедев подчеркивает различие между рассудком и разумом как двумя формами рациональности.

Рассудок оперирует готовыми понятиями, фиксирует явления, расчленяет действительность, но не выходит за пределы опыта. Он служит инструментом анализа и классификации, однако его возможности ограничены сферой эмпирического.

Разум, напротив, стремится к постижению сущности, к выявлению внутренних оснований и принципов. Именно разум создает идеальные объекты и теоретические конструкции, выходящие за рамки непосредственного опыта. Поэтому теоретическое знание – это область разума, тогда как

эмпирическое – область рассудка.

Разум не просто обобщает данные опыта, но переходит на качественно иной уровень мышления, где опыт служит лишь исходным материалом. Отсюда становится понятной мысль С. А. Лебедева: опыт не дает основания для точных утверждений, поскольку любое конечное количество испытаний может оказаться флуктуацией. Только разум, конструируя идеальный мир, способен сформулировать истинные, всеобщие и необходимые законы.

Таким образом, теоретический уровень знания выражает движение мышления от наблюдения – к объяснению, от внешнего описания – к выявлению внутренней структуры действительности.

2.1. Происхождение и роль идеальных объектов

Ключевым элементом теоретического мышления являются идеальные объекты – особые конструкты разума, не существующие в природе в готовом виде, но позволяющие мыслить реальность в ее чистых формах. Примеры таких объектов – материальная точка, абсолютно твердое тело, идеальный газ, изолированная система, бесконечно протяженное поле и т. д. Они не даны в опыте, но позволяют выражать законы природы в точных и универсальных формулах.

Происхождение идеальных объектов связано с деятельностью разума, стремящегося к всеобщему и необходимому знанию. Как отмечает С. А. Лебедев, разум создает мир идеальных сущностей – своеобразный «эталон» для материального мира. В этом идеальном мире законы существуют в чистом, непротиворечивом виде. Именно отсюда можно вывести истинные закономерности, поскольку только идеальные объекты позволяют устранить случайность, шум, флуктуации, неизбежные в опыте.

Рассудок может лишь зафиксировать наблюдаемые факты, но не способен объяснить, почему эти факты имеют место. Разум же, оперируя идеальными конструкциями, выявляет внутренние основания явлений. Поэтому, согласно С. А. Лебедеву, если закон только проверяется опытом, он остается гипотезой. Закон получает статус истинного лишь тогда, когда выводится из теории об идеальных объектах и не содержит внутренних противоречий. Иными словами, критерием истинности на теоретическом уровне становится логическая непротиворечивость и согласованность теории, а не только эмпирическая проверка.

2.2. Эмпирическая интерпретация и проверка теорий опытом

Несмотря на то, что теоретическое знание существует в идеальной форме, оно не замыкается в себе. Любая теория требует эмпирической интерпретации, то есть установления связи между идеальными объектами и реально наблюдаемыми явлениями. Эта связь осуществляется через процедуры операционализации – когда теоретические понятия связываются с измеримыми величинами, приближенными моделями и экспериментальными условиями.

Однако, как подчеркивает С. А. Лебедев, опыт не способен подтвердить или опровергнуть теорию в абсолютном смысле. Любое конечное количество наблюдений может оказаться флуктуацией, а значит – не дает основания для окончательных выводов. Поэтому проверка теорий всегда носит относительный и вероятностный характер. Теоретические конструкции проверяются не напрямую, а через их следствия – предсказания, которые можно наблюдать экспериментально. Если предсказания подтверждаются, теория считается адекватной в определенных пределах, но не доказанной окончательно.

Таким образом, истинность теоретического знания имеет двойственную природу. С одной стороны, она определяется внутренней логикой – согласованностью и непротиворечивостью теоретических построений. С другой – внешней применимостью, то есть способностью теории объяснять и предсказывать реальные явления. Это делает науку не просто системой знаний, а динамической формой мышления, где каждое теоретическое положение остается открытым для уточнения, конкретизации и переосмысления.

2.3. Теоретический уровень как особая форма рационального знания

Теоретический уровень – это высшая форма рационального знания, в которой разум создает идеальную модель реальности. Этот идеальный мир служит эталоном для оценки материального мира: в нем фиксируются неизменные, универсальные законы, а материальная реальность рассматривается как их приближенная реализация. Через идеальные объекты разум получает возможность мыслить бесконечное, выходить за пределы ограниченного опыта.

Отсюда следует важный вывод: эмпирический и теоретический уровни не противопоставлены, а взаимодополняют друг друга. Эмпирический уровень обеспечивает связь с действительностью, поставяет факты и ориентиры для проверки теорий; теоретический – организует эти факты в систему,

раскрывая их внутренний смысл и закономерности. Без опыта теория превращается в отвлеченную спекуляцию, а без теории опыт остается набором несвязанных наблюдений.

Таким образом, развитие науки представляет собой постоянное взаимодействие рассудка и разума, опыта и идеала, наблюдаемого и мыслимого. В этом взаимодействии осуществляется поступательное движение человеческого познания – от чувственного образа к понятию, от факта к закону, от эмпирического к теоретическому осмыслению мира.

3. Взаимосвязь и различие эмпирического и теоретического знания

3.1. Гносеологическая связь уровней научного знания

Эмпирический и теоретический уровни – два различных, но взаимосвязанных слоя научного знания. Гносеологически они различаются по источнику и по онтологии: эмпирическое знание опирается на чувственный опыт и фиксирует наблюдаемые явления; теоретическое – рождается в сфере разума и оперирует идеальными объектами и конструкциями. Логически между ними прямого моста нет: теория не выводится одновременно из наблюдений, а наблюдения не являются в чистом виде следствием теории. Тем не менее эмпирия и теория находятся в постоянном диалоге: эмпирия поставляет материал (протоколы, факты, законы, феноменологические теории), а теория упорядочивает, объясняет и предсказывает.

С. А. Лебедев подчеркивает, что после своего создания теоретический мир приобретает для сознания объективный статус – он становится «предметной данностью» для последующих рассуждений. Это значит, что теория не только отражает эмпирические данные, но и задает рамки их интерпретации: теоретические понятия и структуры формируют то, как ученый увидит и зафиксирует эмпирический материал. Отсюда вытекает важный тезис: наблюдение всегда частично пронизано теоретическими предпосылками – термины опыта и способы его фиксации нередко определяются заранее принятыми концепциями.

3.2. Невозможность логической редукции одного уровня научного знания к другому

Следует различать два вида «сведения»: логическое сведение (выведение одного из другого) и гносеологическое объяснение/интерпретацию. Теория не выводится логически из эмпирии; эмпирические законы и факты не автоматически порождают теоретические конструкции. Аналогично теория не редуцируема к наблюдаемым фактам: ее содержание часто выходит за пределы того, что непосредственно наблюдалось. Это различие онтологическое: объекты теории – идеальные (имманентные мышлению), объекты эмпирии – наблюдаемые.

3.3. Интерпретативные (идентификационные) предложения

Чтобы сопоставить теорию с эмпирией, необходимы интерпретационные предложения (редукционные утверждения, правила соответствия). Такие высказывания связывают термины теоретического языка с терминами эмпирического языка: «материальные точки = планеты», «евклидова прямая = луч света (в приближении)» и т. д. С. А. Лебедев подчеркивает, что эти предложения – не суждения в классическом смысле, а условные соглашения; их истинность не вопрос эмпирической истины/ложности, а практичности, эффективности и согласованности внутри языковой системы.

Интерпретационные предложения имеют двойственную природу: они частично конвенциональны (по сути соглашения) и частично ограничены внутренней структурой языка и теории – термины взаимно детерминируют возможные значения друг друга. Поэтому интерпретация никогда не исчерпывает содержание теории: одна и та же теория допускает множество интерпретаций, что ведет к принципиальной несводимости теории к эмпирии.

3.4. Роль теоретического знания в осмыслении эмпирических данных

Теория выполняет три ключевые функции в отношении эмпирии:

- 1) Организующая – систематизирует факты и превращает разрозненные наблюдения в согласованную картину;
- 2) Объясняющая – раскрывает внутренние механизмы и связи, которые делают данные понятными;
- 3) Прогностическая – дает основания для предсказаний о новых, еще не наблюдавшихся явлениях.

С. А. Лебедев справедливо отмечает: введение идеальных объектов и теоретических схем – это «плата» за экономичную и эффективную репрезентацию эмпирической информации. Теория позволяет

упаковать большую эмпирическую информацию в компактный набор принципов и аксиом, но при этом вносит элементы идеализации – элементы, которые сами по себе не являются наблюдаемыми.

3.5. Диалектика переходов: от эмпирии к теории и обратно

В развитии науки постоянно происходят переходы двух типов:

1) Восхождение от эмпирии к теории – конструирование гипотез, введение законов и идеализаций на основе наблюдений;

2) Нисхождение от теории к эмпирии – эмпирическая интерпретация теоретических следствий и их проверка.

Эти переходы носят диалектический характер: они не простая механическая смена уровней, а взаимное обогащение и корректировка. Теория рождается из эмпирического материала, но не сводится к нему; опыт, в свою очередь, интерпретируется в терминах теории, и таким образом меняет свое смысловое наполнение.

С. А. Лебедев подчеркивает: в этом движении важна процедура идентификационной (интерпретативной) связи – правила соответствия, по которым теоретические следствия соотношены с эмпирическими высказываниями. Поскольку эта процедура внелогична и частично конвенциональна, факт совпадения эмпирического следствия с наблюдаемым событием не доказывает саму теорию, а лишь подтверждает систему «теория + ее интерпретация». Аналогично, несоответствие не обязательно опровергает теорию: ошибка может быть в интерпретации, эксперименте или в границах применимости теории.

3.6. Верификация и фальсификация – границы эмпирической проверки

Классический вопрос методологии – можно ли опытно доказать теорию? С позиции С. А. Лебедева (и в русле классической философии науки) ответ отрицательный: опыт не дает окончательной верификации теории. Причины:

- любой опыт конечен и потому может быть флуктуацией;
- любой набор испытаний по отношению к «множеству всех возможных случаев» есть бесконечно малый фрагмент;
- экспериментальная проверка оперирует интерпретациями и приближениями, а значит, не дает априорной гарантии.

Эмпирическая проверка придает гипотезе статус подтвержденной в определенном контексте, но не превращает ее автоматически в окончательный закон. Истинный статус закона, согласно С. А. Лебедеву, может быть утверждён тогда, когда он выводится из внутренне непротиворечивой теории об идеальных объектах и тем самым получает «внутреннее оправдание».

Это не отменяет полезности верификации: подтверждение следствий теории усиливает ее эмпирическую адекватность и практическую ценность. Но для строгой методологической оценки требуется учитывать, что экспериментальная поддержка – всегда условна.

Фальсификация играет важную роль: способность теории предсказывать факты, которые, в случае несоответствия, требуют ее пересмотра. С. А. Лебедев не отрицает ценности показателей фальсификации, но указывает на сложность интерпретации подобных «падений» теории: опровержение может касаться не самого ядра теории, а интерпретации, вспомогательных гипотез или экспериментальной методики.

3.7. Проблема недоопределенности теории эмпирией

Одна из ключевых методологических проблем – недоопределенность теории эмпирией: один и тот же набор фактов может быть совместим с множеством, зачастую существенно различных теорий. С. А. Лебедев подчеркивает этот момент через мысль о множественности интерпретаций: интерпретативные предложения конвенциональны и допускают альтернативы. Это ведет к выводу, что эмпирия не определяет теорию однозначно; выбор между конкурентными теориями включает не только экспериментальные, но и теоретико-методологические, логические и прагматические соображения (простота, плодотворность, внутренняя согласованность).

Отсюда следует роль метатеоретических предпосылок: критерии оценки теорий выходят за пределы первичных эмпирических данных и включают более общие убеждения о научном методе, допустимых идеализациях, философии науки и т. п. С. А. Лебедев подчеркивает, что окончательная оценка истинности теории возможна лишь на метатеоретическом уровне, через анализ ее внутренней непротиворечивости, системности и соответствия общим принципам рациональности.

3.8. Методологические следствия

Из совокупности сказанного вытекают конкретные методологические выводы, которые важно отметить :

1. Теория и эмпирия – взаимно необходимы, но несводимы друг к другу: методика науки должна учитывать их различие и специфику.
2. Интерпретация как ключевой этап: формулировка правил соответствия между теорией и опытом – ответственная методологическая операция, требующая осознанных соглашений и критического обоснования.
3. Верификация носит условный характер; фальсификация информативна, но не однозначна. На практике ученый оценивает не только эксперимент, но и всю систему «теория + вспомогательные гипотезы + методика».
4. Выбор между конкурентными теориями опирается на широкий набор критериев: эмпирическая адекватность, логическая согласованность, простота, плодотворность, практическая полезность.
5. Метатеоретический анализ необходим: решение о статусе теории неизбежно требует обращения к более общим философским и методологическим основаниям науки.

Выводы

1. С методологической точки зрения соотношение эмпирического и теоретического знания – это не вопрос «что первично», а проблема их взаимосвязи в рамках реальной практики научного познания. Ее правильное решение предполагает:

- качественное различие онтологии этих уровней знания (эмпирический уровень – знание о материальных объектах; теоретический – об идеальных);
- конструктивную роль разума в создании теорий;;
- ограниченность эмпирической проверки научных законов и теорий;
- необходимость эмпирической интерпретации теоретических объектов.

2. Эмпирическое и теоретическое знание – это не только разные по онтологии и методологии уровни научного знания, но и взаимно дополняющие стороны реального процесса научного познания. Эмпирический уровень фиксирует данные опыта, формирует протокольные предложения, научные факты, эмпирические законы и феноменологические теории; теоретический уровень создает идеальные объекты и логически организованные теории, на базе которых возможна систематизация, объяснение и прогностическое использование эмпирических данных.

3. Рациональность научного знания требует не только эмпирической проверки гипотез, но и анализа внутренней согласованности теорий – их логической стройности, плодотворности и способности порождать новые исследовательские программы.

4. Процесс обоснования научных теорий всегда опирается на некоторые метатеоретические принципы (простота, общность, эвристическая сила), а выбор между конкурирующими теориями опирается не только на данные опыта, но и на теоретико-методологические соображения.

5. Ученому важно осознавать ограниченность эмпирической верификации. Любое конечное множество эмпирических результатов может быть флуктуацией по отношению к бесконечному множеству логических следствий эмпирических законов и теорий. Поэтому их подтверждение опытом всегда имеет только вероятностный характер.

6. Истинное знание соотношения эмпирического и теоретического уровней научного знания выполняет важную методологическую функцию. Оно задает эффективные правила научной работы, помогает различать гипотезы и законы, обосновывать научные теории и корректировать их с учетом опыта.

Литература

1. Лебедев С.А. Философия и методология науки. Актуальные проблемы. М.: Издательство Московского университета. 2024.-575 с.
2. Лебедев С.А. Философия науки. Учебное пособие для аспирантов. М.: Проспект.2022.-176 с.
3. Лебедев С.А. Введение в философию науки: 15 лекций. М.: Проспект. 2024.-352 с.
4. Лебедев С.А. Философия и наука. М.: Академический проект. 2025.-316 с.
5. Лебедев С.А. Конструктивистская эпистемология. М.: Академический проект. 2026.-383с.
6. Лебедев С.А. Философия науки. Учебное пособие для аспирантов. М.: Проспект. 2026. – 176 с.

7. Лебедев С.А., Коськов С.Н. Онтология научных теорий//*Известия Российской академии образования*. 2017. № 1(41). С. 20-40.
8. Лебедев С.А. Методы теоретического познания в физике//*Журнал естественнонаучных исследований*. 2016. Т.1. № 5. С. 4.
9. Лебедев С.А. *Философия науки. Курс лекций*. М.: Проспект. 2022. – 272 с.
10. Лебедев С.А. Чувственное и эмпирическое познание в науке// *Гуманитарный вестник*. 2026. № 1. Порядковый номер 5.
11. Лебедев С.А. Диахронная и синхронная научная рациональность//*Журнал философских исследований*. 2026. №1. С. 16-28.
12. Лебедев С.А., Андреев С.А. Плюрализм критериев истинности уровней и единиц научного знания//*Журнал философских исследований*. 2026. № 1. С.37-51.
13. Лебедев С.А., Григоренко В.Г. Чувственная научная реальность и методы ее конструирования// *Журнал философских исследований*. 2026. № 1. С.29-36.
14. Садовская О.Р. Концепции научной истины: подходы С.А. Лебедева и Р. Гира// *Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия*. 2026. № 1. С.
15. Лебедев С.А. Конструктивистская эпистемология и ее философские основания//*Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия*. 2026. № 1. С.
16. Захаров Е.И. Методы конструирования и легализации различных единиц эмпирического знания в науке//*Журнал философских исследований*. 2026. №1. С. 73-85.
17. Лебедев С.А. *Современная философия науки*. М.: Проспект. 2023.-312 с.
18. Лебедев С.А. *Курс лекций по методологии научного познания*. М: Издательство МГТУ им. Н.Э. Баумана. 2016.-293 с.

19. Лебедев С.А. *Философия. Методология. Наука. Избранные статьи*. М: Проспект. 2023.-720 с.

20. Лебедев С.А. *Методологическая культура ученого. В 2-х томах. Том 2*. М.: Проспект. 2021.-216 с.

References

1. Lebedev S.A. *Philosophy and Methodology of Science. Current Issues*. Moscow: Moscow University Publishing House. 2024. 575 p.
2. Lebedev S.A. *Philosophy of Science. A Textbook for Postgraduate Students*. Moscow: Prospect. 2022. 176 p.
3. Lebedev S.A. *Introduction to the Philosophy of Science: 15 Lectures*. Moscow: Prospect. 2024. 352 p.
4. Lebedev S.A. *Philosophy and Science*. Moscow: Academicheskyy Proekt. 2025. 316 p.
5. Lebedev S.A. *Constructivist Epistemology*. Moscow: Academicheskyy Proekt. 2026. 325 p.
6. Lebedev S.A. *Philosophy of Science. A Textbook for Postgraduate Students*. M.: Prospect. 2026. 176 p.
7. Lebedev S. A., Koskov S. N. *Ontology of Scientific Theories*//*Bulletin of the Russian Academy of Education*. 2017. No. 1 (41). Pp. 20-40.
8. Lebedev S. A. *Methods of Theoretical Knowledge in Physics*//*Journal of Natural Science Research*. 2016. Vol. 1. No.5. Pp. 4.
9. Lebedev S. A. *Philosophy of Science. Lecture Course*. M.: Prospect. 2022. 272 p.
10. Lebedev S. A. *Sensory and Empirical Knowledge in Science*// *Humanitarian Bulletin*. 2026. No. 1. Serial Number 5.
11. Lebedev S. A. *Diachronic and Synchronic Scientific Rationality*//*Journal of Philosophical Studies*. 2026. No.1. pp. 16-28.
12. Lebedev S.A., Andreev S.A. *Pluralism of Truth Criteria of Levels and Units of Scientific Knowledge*//*Journal of Philosophical Studies*. 2026. No.1. pp. 37-51.
13. Lebedev S.A., Grigorenko V.G. *Sensual Scientific Reality and Methods of Its Construction*// *Journal of Philosophical Studies*. 2026. No.1. pp. 29-36.
14. Sadovskaya O.R. *Concepts of Scientific Truth: Approaches of S.A. Lebedev and R. Gere*// *Bulletin of Tver State University. Series: Philosophy*. 2026. No. 1. p.
15. Lebedev S.A. *Constructivist Epistemology and Its Philosophical Foundations*//*Vestnik of Tver State University. Series: Philosophy*. 2026. No.1. P.
16. Zakharov E.I. *Methods of Constructing and Legalizing Various Units of Empirical Knowledge in Science*//*Journal of Philosophical Research*. 2026. No.1. Pp. 73-85.

17. Lebedev S.A. *Modern Philosophy of Science*. Moscow: Prospect. 2023. 312 p.
18. Lebedev S.A. *Lecture Course on the Methodology of Scientific Knowledge*. Moscow: Publishing House of Bauman Moscow State Technical University. 2016. 293 p.
19. Lebedev S.A. *Philosophy. Methodology. Science. Selected Articles*. Moscow: Prospect. 2023. 720 p.
20. Lebedev S.A. *Methodological Culture of a Scientist*. In 2 vol. Vol. 2. Moscow: Prospect. 2021. 216 p.

THE PROBLEM OF RELATION BETWEEN EMPIRICAL AND THEORETICAL KNOWLEDGE IN SCIENCE

**ULANOV
Danila**

*postgraduate student of the Department of Philosophy,
Bauman Moscow State Technical University, Department
of Philosophy,
Moscow, Russian Federation,
ulanovdan_2015@yandex.ru*

Keywords:

structure of scientific knowledge
empirical knowledge
theoretical knowledge
interconnectedness between levels of
scientific knowledge

Summary:

The purpose of this article is to reveal the specificity and interconnectedness of the empirical and theoretical levels of scientific knowledge, to demonstrate the fundamental differences between them, and to highlight the peculiarities of transition from empirical to theoretical level in the process of scientific cognition. According to S. A. Lebedev's theory, the distinction between the empirical and theoretical levels of knowledge is both ontological and methodological. Empirical knowledge is based on the content of sensory perception as a model of objective reality, whereas theoretical knowledge describes the properties and relationships of an ideal reality created by thought. Therefore, transition from the empirical level of scientific knowledge to its theoretical level is not a logical generalization of facts, but rather a constructive product of thought, describing theoretical objects, their properties, and laws not directly observable in sensory experience. The article demonstrates that a direct logical bridge "from experience to theory" and vice versa does not exist: inductive generalization of finite empirical data is hypothetical in nature, and theoretical constructs are not derived purely from observations. At the same time, theory without empirical contact loses its criteria of applicability, while empiricism without theoretical processing loses its meaning and coherence. Therefore, scientific knowledge develops as a dialectic: reason, constructing ideal objects and theoretical frameworks, creates tools for understanding, whereas reason and empirical practice, verifying and testing the consequences of these frameworks, return empirical guidelines and applicability frameworks to theory. An important component of this process are interpretative (reductive) propositions – rules of correspondence between theoretical terms and empirical data – which are partially conventional in nature and require conscious methodological justification.

УДК 007

Наука как социальный институт и конструктивистская форма познания

**ЛЕБЕДЕВ
СЕРГЕЙ
АЛЕКСАНДРОВИЧ**

*доктор философских наук,
профессор кафедры философии,
Московский государственный технический
университет
имени Н. Э. Баумана, кафедра философии,
Москва, Российская Федерация, saleb@rambler.ru*

Ключевые слова:

научная профессия
социология науки
эпистемология
методы научного познания

Аннотация:

В статье проанализированы две проблемы: наука как социальный институт и его особенности и наука как конструктивистская форма познания. Первая проблема является главной в социологии науки, вторая – в теории научного познания или эпистемологии. Было показано, что эти проблемы взаимосвязаны и являются двумя аспектами более общей проблемы: науки как социально-конструктивной деятельности познания. Социология исследует науку как особую социально-когнитивную систему, целью которой является производство научного знания и его применение. При этом она сосредотачивает свое внимание на роли и функциях научных коммуникаций внутри дисциплинарного научного сообщества как основного субъекта научной деятельности. Предметом эпистемологии является природа научного познания, его структура и методы конструирования различных единиц научного знания. Общим основанием социологии науки и эпистемологии является признание социального характера научной деятельности и фундаментальной роли научного консенсуса в производстве и легализации любых результатов научной деятельности, оценку их познавательной и практической значимости.

© 2026 Петрозаводский государственный университет

Получена: 28 февраля 2026 года

Опубликована: 30 марта 2026 года

Наука и научное познание стали предметом профессионального социологического анализа только в 30-х годах XX века. Согласно создателю социологии науки как научной дисциплины Р. Мертону ее главной целью является нахождение и формулировка основных законов функционирования науки как особой социальной структуры, главной задачей которой является производство «удостоверенного научного знания» и его применение на практике [20]. В социологии науки термин «удостоверенное знание» означает не «объективно-истинное», а знание, принятое в качестве такового научным сообществом в данное время. Если завтра в связи с прогрессом науки содержание научного знания резко изменится, то для его «удостоверения» научное сообщество в принципе может ввести другие критерии и оценки.

В социологии науки в качестве основного субъекта научной деятельности рассматривается не

отдельный ученый, а дисциплинарное научное сообщество. Соответственно объектом ее анализа становится не содержание научного знания и его различных единиц (идей, теорий, гипотез, наблюдений или научных законов), а вклад научного сообщества и его участников в развитие соответствующей научной дисциплины. Новое научное знание получает статус вклада (а автор – приоритет) только после того, как будет доказано его соответствие существующим в данной области науки критериям научности и когда этот вклад будет доведен до научного сообщества по стандартным информационным каналам. В условиях острой конкуренции, когда над одной проблемой во всем мире часто работают сотни исследователей, такое понимание научного вклада – единственный способ смягчить остроту борьбы ученых за приоритет и придать ей цивилизованную форму. В случае, если новый квант научного знания будет опубликован в соответствующем дисциплинарном журнале, он признается событием, «закрывающим» исследуемую проблему на данный момент. С этого времени он входит в массив дисциплинарно организованного знания. Содержание новой единицы научного знания можно продолжать обсуждать или даже опровергать, но им нельзя пренебрегать, ибо это будет свидетельством некомпетентности. Таким образом, вкладом в дисциплинарное научное знание (основным мерилем заслуг ученого перед сообществом) является либо его перевод в разряд решенных научных проблем, либо его опровержение или корректировка.

Р. Мертоном был также сформулирован ряд общих принципов научной деятельности (этнос науки), которые выполняют функцию нормативной основы для оценки поведения ученого: **универсализм, коллективизм, организованный скептицизм и бескорыстие [20].**

Универсализм. Согласно Мертону этот принцип утверждает внеличностный характер научного знания. Научные высказывания относятся к характеристике свойств объективно существующих явлений и их взаимосвязей, а поэтому они должны быть универсальны, то есть справедливы везде, где имеются аналогичные условия, а их истинность не зависит от того, кем конкретно они были высказаны. Универсализм означает также провозглашение равных прав на занятия наукой и на научную карьеру для людей любой национальности и общественного положения. Это требование обеспечивает не только демократический, но и интернациональный характер науки и научного познания.

Коллективизм. Этот принцип предписывает ученому незамедлительно передавать результаты своих исследований в пользование научному сообществу. Научные открытия являются продуктом сотрудничества, образуют общее достояние, в котором доля индивидуального «производителя» ограничена; а потому ему следует сообщать свои открытия другим ученым тотчас после проверки, свободно и без предпочтений. «Право собственности» в науке (речь идет о фундаментальной науке) фактически существует лишь в виде признания приоритета автора.

Бескорыстие. Этот принцип предписывает ученому строить свою деятельность так, как будто, кроме постижения истины, у него нет никаких других интересов. По сути дела этот императив является максимальным выражением «академической свободы», на которую претендует настоящий ученый. Р. Мертон излагает требование бескорыстности также как предостережение ученым от поступков, совершаемых только ради достижения более быстрого или более широкого профессионального признания внутри науки.

Организованный скептицизм. Этот принцип Р. Мертон рассматривает как главную особенность метода естественных наук, требующего по отношению к любому предмету детального объективного анализа, исключающего возможность некритического приятия. В науке не действует аналог презумпции невиновности. Автор вклада должен доказывать критикам ценность и перспективность своего результата. Они же не только вправе, но и обязаны сомневаться, ограждая существующий корпус знания от недостаточно обоснованных претензий. Императив организованного скептицизма создает атмосферу ответственности, институционально подкрепляет профессиональную честность ученых, предписываемую им нормой бескорыстия. Ученый всегда должен быть готов к критическому восприятию своего результата.

Функциональный смысл императивов научного этоса, их ориентирующая роль в поведении ученого обусловлены тем, что сама система распределения признаний и, соответственно, мотивация исследователя постоянно ставят его в ситуацию жесткого выбора одной из альтернатив.

Этот набор альтернатив Р. Мертон формулирует в виде списка, каждая позиция которого предполагает выбор между равно обоснованными стратегиями поведения – «амбивалентности».

Так, ученый должен:

1. как можно быстрее передавать свои научные результаты коллегам, но он не должен торопиться с публикациями;
2. быть восприимчивым к новым идеям, но не поддаваться интеллектуальной «моде»;

3. стремиться добывать такое знание, которое получит высокую оценку коллег, но при этом работать, не обращая внимания на оценки других;

4. защищать новые идеи, но не поддерживать опрометчивые заключения;

5. прилагать максимальные усилия, чтобы знать относящиеся к его области работы, но при этом помнить, что эрудиция иногда тормозит творчество;

6. быть крайне тщательным в формулировках и деталях, но не быть педантом, ибо это идет в ущерб содержанию;

7. всегда помнить, что знание универсально, но не забывать, что всякое научное открытие делает честь нации, представителем которой оно совершено;

8. воспитывать новое поколение ученых, но не отдавать преподаванию слишком много внимания и времени;

9. учиться у крупного мастера и подражать ему, но не походить на него.

В настоящее время исследование науки как особого социального института стало одной из зрелых областей современной социологии, играющей важную роль в эффективной организации, управлении и прогнозировании науки. В современной социологии функции науки как социального института описаны достаточно подробно. В отечественной социологии науки наиболее четкая характеристика социальных функций науки дана в статьях Э. М. Мирского, а также в ряде наших монографий и учебных пособий [1; 2; 3; 4; 5; 6; 12].

Социальные характеристики научной профессии

Областью общей социологии, наиболее близкой к социологии науки, является социология профессий, которая эмпирически отталкивается от образцов поведения различных профессиональных сообществ. Социологическое исследование науки предполагало исследование специфического для науки проявления характеристик, признанных в качестве главных признаков людей всех свободных, то есть максимально творческих профессий.

Необходимыми признаками таких профессий являются [7]:

1. Обладание некоторой совокупностью специальных знаний, за хранение, передачу и расширение которых ответственны социальные институты данных профессий. Именно обладание такими знаниями отличает профессионалов от «непосвященных». Демонстрация такого обладания получила название экспертизы.

2. Автономность профессии в привлечении новых членов, подготовке и контроле их профессионального поведения. О профессионалах судят не по таким вещам, как манеры, место рождения или политические убеждения, а по их владению соответствующими знаниями и степени участия в их умножении. Поскольку по этим критериям профессионала могут оценивать только коллеги, каждая профессия должна отвоевать и иметь для себя значительную автономию.

3. Наличие внутри профессии форм вознаграждения, выступающих достаточным стимулом для специалистов и обеспечивающих их высокую мотивацию относительно профессиональной карьеры. Речь идет о потребности в таком вознаграждении, которое служило бы достаточным стимулом для профессионалов, будучи подконтрольно именно членам данной профессии, а не посторонним людям.

4. Заинтересованность социального окружения профессии в продукте деятельности ее членов, гарантирующая как существование, так и действенность профессиональных институтов. Для самосохранения профессии необходимо установление между ней и ее общественным окружением таких отношений, которые обеспечивали бы ей не только поддержку, но и охрану от непрофессионального вмешательства в ее главные интересы.

Культурная составляющая научной профессии [1; 7]

Главной культурной составляющей научной профессии является научное знание как особый вид знания, имеющий для общества существенное мировоззренческое и практическое значение. Не менее важной ее культурной составляющей является то, что производимое ею знание является продуктом, принадлежащим не отдельному ученому, а научному сообществу, как социальному субъекту научно-познавательной деятельности, результатом его усилий по производству и применению знания в соответствии с принятыми в дисциплинарном сообществе методологическими стандартами. Результаты научной деятельности всегда представляются сообществу в четко стандартизированной форме научной публикации (устной или письменной), в которой закрепляется и содержание результата, и имена его авторов. При этом массив актуально действующих в любой момент времени публикаций в той или иной области науки расчленен на «эшелоны», находящиеся на различном удалении от переднего края исследований. Для ученых эти «эшелоны» выступают в виде различных жанров публикаций (статья, обзор, монография...). Знание, опубликованное в любом научном жанре, сохраняет свою актуальность

лишь некоторое время. Срок жизни продлевается для тех элементов научного знания, которые после отбора переходят в публикацию более высокого жанра: из статьи – в обзор, из обзора – в монографию, а из монографии – в учебник.

Структура массива публикаций

«Вход» в массив публикаций состоит из статей, сообщающих о результатах исследований. В процессе исследования и особенно когда оно завершено, задачей его участников является выделение из общего результата (выполненного для определенной цели) тех его фрагментов, которые представляют интерес для их дисциплин и могут быть расценены как вклад в их знание. Эти интерпретированные в дисциплинарных терминах фрагменты общего результата, на авторство которых исследователь претендует перед дисциплинарным сообществом, в конце концов оформляются в виде статьи для соответствующего специального журнала. Сделав этот шаг, ученый представляет свой вклад на теоретически бессрочную экспертизу (рецензирование и оценка рукописи, чтение и оценка статьи, использование ее содержания в пополнении или перестройке знания по какой-либо проблеме и т. д.). Правами эксперта в той или иной форме обладает любой коллега, точно так же, как автор данной статьи приобретает такое право относительно всех остальных публикаций дисциплины, причем это право формализуется и растет вместе со статусом ученого. Для оценки публикационных жанров как особых «эшелонов» дисциплинарного массива публикаций можно расположить их в зависимости от временной удаленности от «входа». В качестве измерителя можно взять минимальный отрезок времени, который необходим, чтобы полученный научный результат мог быть опубликован в каждом из жанров.

Тогда последовательность прохождения нового научного результата через все эшелоны будет выглядеть следующим образом:

- 1) статьи (журнальные статьи и публикации докладов научных собраний) – 1,5–2 года;
- 2) обзоры (подтверждающие сообщения, обзоры периодики и обзоры научных собраний, проводимых дисциплинарной ассоциацией за какой-либо период времени) – 3–4 года;
- 3) монографии (тематические сборники, монографические статьи, индивидуальные и коллективные монографии) – 5–7 лет;
- 4) учебники (учебники, учебные пособия, хрестоматии, научно-популярные изложения содержания дисциплины и т. п.) – 7 лет и более.

Все это дает основание утверждать, что с точки зрения организации знаний мы можем наблюдать в развитии науки два различных процесса, в чем-то аналогичных онтогенезу и филогенезу в биологии. Онтогенетический процесс локализован между передним краем и, скажем, эшелоном учебников. В ходе этого процесса знание, научное по определению (результат научного исследования, находящийся в органической связи с другими компонентами знания), превращается в знание, научное по истинности (встраивается в структуру удостоверенных научным сообществом теоретических и нормативно-ценностных представлений определенной дисциплины). На этом онтогенез заканчивается – результат прекращает свое изолированное существование, утрачивает свои генетические связи с исследованием, с позицией индивидуального автора или некоторой научной группировки. Он становится новой единицей научного знания (законом, эффектом, константой, переменной и т. п.). После этого любое действие с ним, любое его изменение может происходить только в рамках филогенеза той научной дисциплины, к которой данный элемент принадлежит [7; 4].

Функции массива публикаций

Общность и структура дисциплинарного массива публикаций имеют большое значение для консолидации и стратификации научного сообщества дисциплины. Появление имени того или иного члена сообщества в нескольких эшелонах публикаций является признанием его статуса и оценкой его вклада в дисциплину. Эта оценка идет по двум линиям. Первая представляет собой характеристику исследовательского результата как вклада в развитие содержания дисциплинарного знания. Такая оценка фиксируется цитированием работы в последующих публикациях. В этом качестве публикации различных эшелонов далеко не равноценны: например, одно-единственное упоминание работы в учебнике «стоит» в глазах сообщества дисциплины десятков и сотен журнальных ссылок. Вторая линия связана с высоким престижем непосредственного участия члена сообщества в формировании отдельных публикационных эшелонов, его деятельности в качестве члена редколлегии журнала, автора монографии, учебника и т. п. Отвлекаясь сейчас от особенностей каждой из этих линий накопления статуса, следует подчеркнуть, что реализация каждой из них становится возможной лишь благодаря наличию общего для дисциплины эшелонированного массива публикаций [4; 5].

Воспроизводство научной профессии как социальной системы

Для сознательного выбора профессии ученого молодые люди уже в процессе учебы в вузе должны

представлять свои перспективы на этом поприще. Однако точка, из которой может быть видна такая перспектива, с течением времени стала отдаляться все больше. В XIX веке выпускник вуза имел уже достаточные представления о своей научной профессии, чтобы сделать осознанный выбор. А получение им первой ученой степени окончательно определяло траекторию его научной карьеры. В конце XX века ситуация в мировой науке существенно изменилась. Во многом это было связано, с одной стороны, с тенденцией старения научных кадров и неблагоприятного изменения их возрастной структуры, а с другой – с «утечкой мозгов» в связи с глобализацией мировой науки.

Анализ показал, что, во-первых, обе проблемы тесно связаны между собой, а во-вторых, что чисто финансовые вливания или увеличение выпуска аспирантов оказываются недостаточно эффективными для решения этих проблем. Было установлено, что в структуре кадрового потенциала стран-доноров непропорционально растет удельный вес двух категорий ученых: тех, кто учит (старшие возраста), и тех, кто учится (молодежь 25–28 лет). А вымываются прежде всего кадры наиболее продуктивного возраста (28–43 года) – те, кто должен работать наиболее эффективно. Для эффективного решения обеих проблем в развитых странах была предложена новая организационная форма научной деятельности – постдоковские стажировки. Суть ее состояла в том, что молодой исследователь, получивший степень, в течение ряда лет может работать в различных исследовательских командах. Такая миграция на практике показывает как научному сообществу, так и самому ученому, чего он стоит и на что может претендовать. После этого он уже осознанно, на основе личного опыта, определяет выбор своей дальнейшей научной карьеры: либо остается исследователем в статусе «senior researcher», «principal investigator», либо занимается преподаванием, либо уходит в научный менеджмент, либо становится консультантом бизнес-корпорации.

Выяснилось, что институционализация постдоковских стажировок одновременно внесла также вклад в решение проблем управления наукой, существенно модифицировав научную бюрократию. Во-первых, основой оценки научных организаций стала их привлекательность для потенциальных стажеров – части сообщества, наиболее мотивированной научной карьерой. Во-вторых, основой оценки научных и учебных организаций стала привлекательность их аспирантов для стажировок в других организациях. В-третьих, появилась стандартная процедура постоянной горизонтальной миграции исследователей как средство от застоя. В-четвертых, появилась столь же стандартная процедура быстрой мобилизации наиболее состоятельной и мотивированной части исследовательского потенциала на перспективных направлениях исследовательского фронта.

А как же обстоит дело с положительным решением проблемы «утечки мозгов»? Многочисленные исследования показали, что такое решение зависит от двух факторов. Первый фактор – это наличие внутри страны хороших или просто нормальных условий для **внутренней** миграции и интенсивного обмена кадрами. Второй фактор – это способность существующей системы государственного управления наукой обеспечивать карьеру ученого (его право на занятие кафедр, руководства лабораториями и т. п.) в первую очередь и главным образом по результатам его научных исследований. Оказалось, что чем большее значение в системе государственного управления наукой придается различным формальным критериям, чем больше бумажных барьеров должен преодолевать ученый для получения официального статуса, тем больше в этой стране происходит «утечка мозгов» и, соответственно, быстрее идет старение кадрового потенциала ее науки. На примере анализа проблемы «утечки мозгов» в европейских странах было установлено, что наиболее серьезный характер она имеет в тех странах, где существуют сильные бюрократические традиции управления наукой [8].

Типы научных коммуникаций

Внутри системы научных коммуникаций обнаруживаются четыре четко различающихся типа связей между учеными:

- 1) коммуникация как серьезное обсуждение научных исследований и их результатов;
- 2) соавторство, когда два или большее число ученых вместе получают и сообщают о результатах своих совместных исследований по той или иной тематике;
- 3) наставничество, когда ученик проходит подготовку под влиянием своего учителя;
- 4) коллегиальность, когда ученые работают в одной и той же лаборатории.

С одной стороны, в течение своей интеллектуальной жизни некоторые ученые активно участвуют в научных коммуникациях, часто разрывая старые научные связи и устанавливая новые. С другой стороны, многие ученые образуют постоянные связи, особенно пары «учитель – ученик», соавторы и т. д., демонстрируя свидетельство постоянства. Коллегиальные же отношения между учеными длятся иногда год, а иногда сохраняются на весь период их научной карьеры. Это зависит от многих факторов их личной, социальной и научной жизни.

Фазы развития научной специальности

В ходе социологических исследований становления новой научной специальности были выделены четыре фазы, через которые проходит этот процесс.

Нормальная фаза. Это – период относительно разрозненной работы будущих участников и их небольших групп (часто это группы аспирантов во главе с руководителем) над близкой по содержанию проблематикой. Общение идет, в основном, через формальные каналы, причем его участники еще не считают себя жестко связанными друг с другом внутри какого-нибудь объединения. Эта фаза в истории специальности конструируется ретроспективно только в тех случаях, когда новая специальность сформировалась. Нормальная фаза часто завершается опубликованием «манифеста», в котором в общих чертах описывается программа разработки новой научной проблематики и оценка ее перспективности.

Фаза формирования и развития сети. Она характеризуется интеллектуальными и организационными сдвигами, приводящими к объединению исследователей в единый коллектив. Как правило, его основой является новый подход к исследованию научной проблемы, сформулированный лидером исследовательской группы. Обычно такая ситуация вызывает энтузиазм у научной молодежи и приводит под знамена научного лидера определенное число его сторонников. Участники стараются сформировать сеть устойчивых коммуникаций между собой.

Фаза интенсивного развития программы нового направления за счет действий сплоченной группы, которую образуют наиболее активные участники сети коммуникаций. Эта группа формулирует и отбирает для остронаправленной разработки небольшое число наиболее важных проблем (в идеальном случае – одну проблему), в то время как остальные участники сети получают оперативную информацию о каждом достижении новой группировки, ориентируются на нее в планировании своих исследований и обеспечивают тем самым разработку проблематики по всему фронту.

Фаза институционализации новой научной специальности. Научные результаты, полученные сплоченной группой, обеспечивают новому подходу признание сообщества, возникают новые направления исследований, базирующиеся на программе сплоченной группы. При этом, однако, сплоченная группа часто распадается, ее бывшие члены возглавляют самостоятельные группировки, каждая из которых разрабатывает по собственной программе группу специальных проблем. Специальность получает формальные средства организации (журналы, библиографические рубрики, кафедры, учебные курсы, секции в профессиональных ассоциациях и т. п.), и отношения внутри нее снова переходят в нормальную фазу.

В каждой фазе развития такого «невидимого колледжа» самосознание участников формирующейся специальности претерпевает изменения следующим образом: романтический период (по времени совпадающий с нормальной фазой развития специальности); догматический (по времени совпадающий с фазой коммуникационной сети и сплоченной группы); академический (фаза специальности).

Модель описывает полный процесс, включая его успешное завершение. Разумеется, на практике далеко не каждая группа, объединившаяся в сеть, затем достигает фазы сплоченной группы, специальности и т. п. Каждый шаг на этом пути зависит, прежде всего от качества тех научных результатов, которые получены группой [5].

Наука и политика

В традиционном национальном государстве под научной политикой обычно понимается система и институты принятия решений о стратегии развития научно-технического комплекса страны, а также действия по практической реализации этих решений. Вся эта деятельность, за минимальными исключениями, как правило, осуществляется с помощью бюрократического руководства наукой. В отличие от государственно-бюрократического способа управления наукой, современная научная политика развитых стран все больше становится *публичной*. Значительную роль в развитии современной науки начинает играть общественный контроль за состоянием науки и использованием ее достижений. Соответственно, жизненно важным становится постоянный мониторинг отношения общества и населения к науке, отдельным направлениям ее развития, участие науки в разных социальных программах и процессах (образование, экономическая структура общества, инновационная деятельность). Для этой цели политики вместе с научным сообществом постоянно проводят изучение общественного мнения о национальной науке и проблемах ее развития. Эти исследования проводятся в тесном взаимодействии с различными научными институтами, а их результаты широко обсуждаются в обществе [8].

Научное сообщество и общественные движения

Взаимоотношения в треугольнике «государство – научное сообщество – общественные движения»

прошли длительный и болезненный процесс сосуществования. Длительное историческое время научная политика в разных странах и государствах формировалась без обращения к общественному мнению. Более того, иногда предпринимались нескоординированные, малоэффективные попытки противодействовать острой реакции общества на факты, когда развитие науки и технологии приводило к явно нежелательным последствиям (Чернобыльская катастрофа, Арал, энергетическая катастрофа в США и другие случаи бедствий, явно связанные с несовершенством современной науки и техники или с политической безответственностью использования их достижений). Часто реакция государств на эти последствия сводилась к замалчиванию фактов, пропагандистским кампаниям, которые должны были доказать общественности единичность, случайность катастроф; политизации подобного рода инцидентов. В итоге такого рода политика приводила к результатам, прямо противоположным желаемым. Общественные движения, инициированные отдельными событиями или общим ухудшением ситуации, которое так или иначе связывалось с последствиями научно-технического развития, часто приобретали откровенно конфронтационный характер. Все это заставило искать новую стратегию, в поиске которой государство и политики обратились к научному сообществу, которое также часто оказывалось «потерпевшей стороной», принимая не всегда заслуженные упреки общества и страдая от последствий неуклюжих действий государственной бюрократии. Постепенно сформировалась стратегия взаимодействия с общественными движениями. Современная научная политика начинает строиться так, чтобы привить обществу осознание того, что риск, связанный с развитием науки и техники, неотделим от их достижений. Общественность должна быть правильно информирована о природе научного знания, не только о достижениях, возможностях, но и о познавательных границах научного метода, а также о природе технических решений, которые даже в самом лучшем случае оптимальны только с точки зрения ограниченного, заведомо неполного набора критериев [8].

Когнитивная социология науки

Социология научных сообществ в наше время подтвердила свою жизнеспособность и превратилась в прикладную дисциплину, широко связанную с другими областями социологии, информатики, организации науки и т. п.

С другой стороны, современные социальные проблемы науки и научного знания становятся полем широкого изучения самых различных аспектов развития общества (исследования научной политики, социальных аспектов технологического развития и применения технологий, роли научной экспертизы и т. д.). В этой связи на первый план сегодня выходит проблема изучения конструктивной природы и социальной специфики научного познания [9].

Исходным пунктом становления социологии научного познания как новой социологической дисциплины стал агрессивный социологизм ее адептов, получивший название этносоциологии. Ее основной идеей была трактовка научного познания и научного знания как социальных продуктов человеческой деятельности. Как известно, классическая социология науки начала XX века вела себя как довольно осторожная оппозиция позитивистской концепции научного познания как способа получения эмпирического, объективно истинного, методологически регулируемого и проверяемого знания об объективной реальности. Однако в настоящее время ситуация с философской рефлексией науки и природы научного познания существенно изменилась. Позитивистский идеал научного знания как совокупности логически непротиворечивых высказываний о реальности (природе и обществе) уже не просто критикуется (его принципиальная ограниченность была выявлена еще в середине прошлого века), но и объявляется лишь одним из возможных вариантов **конструирования** знания. В основе процесса научного познания всегда лежит определенная система явных или неявных социальных и культурных предпосылок, на которые всегда опирается любой субъект научного познания, будь то научное сообщество или отдельный конкретный ученый. В отличие от позитивизма современные представители социологии знания уже сознательно опираются на положения новой теории научного познания – конструктивистской эпистемологии.

Сторонники социологии научного знания и эпистемологического конструктивизма в равной степени придерживаются того взгляда, что ни научное познание, ни научное знание в строгом смысле слов не являются ни абсолютно объективными, ни абсолютно истинными [18; 19; 20]. Они получают такой статус лишь в результате научной коммуникации, реально обозначая лишь общезначимый для конкретного научного сообщества характер содержания некоторой научной реальности и знания о ней. Любые виды знания, в том числе научное знание, производятся людьми на основе определенных ресурсов существующей культуры. А старые знания – это необходимая часть того сырья, которое используется для конструирования нового. Это означает, что само понимание того, что такое знание и наука, во многом определено социокультурными предпосылками, а потому вовсе не обязательно

построено на чисто рациональном фундаменте [14].

В противовес методам классической социологии науки в социологии научного знания в качестве главных методов научного познания считаются конструирование научной реальности и знания о ней и фундаментальная роль коммуникаций членов научного сообщества при оценке содержания любых единиц научного знания в ходе межличностного общения (в лаборатории, на семинарах и т. п.). Представители социологии научного знания видят ее преимущество в том, что она изучает непосредственное взаимодействие людей в «естественной», привычной для них среде и те его формы, которые имеют место в реальной жизни научного сообщества [9]. При таком подходе акцент делается на объяснении механизмов преодоления разногласий и **формирования консенсуса** в исследовательской группе. Социальная обусловленность научного знания при этом подходе выступает в специфической форме – форме достижения консенсуса, который рассматривается как механизм признания утверждений в качестве истинных. Именно благодаря консенсусу вырабатывается базис достоверных и очевидных утверждений, которым затем приписывается объективно истинное значение [17; 18; 19].

Важнейшее положение конструктивистской интерпретации научного познания – понимание научной реальности как артефакта, как конструкта, формирующегося в ходе исследовательской работы [10]. Изучение конкретных форм коммуникации ученых позволяет понять, по мнению сторонников социологии научного знания, как объекты «производятся в лаборатории» и как утверждения ученых получают статус «природных фактов». Таким образом, наука и научное познание оказываются социально-конструктивными в трех отношениях:

- 1) в понимании науки как особого социального института, как объективной структуры по производству и применению научного знания;
- 2) в понимании артефактической, субъект-объектной природы научной реальности;
- 3) в понимании конструктивного характера научного познания и всех его методов и средств [11; 13; 15].

Более подробное изложение содержания конструктивистской эпистемологии как современной парадигмы научного познания, альтернативной всем прежним его философским теориям: эмпиризму, априоризму, материализму и дуализму, содержится в ряде наших монографий [16; 17; 18; 19].

Литература

- [1]. Лебедев С. А. Социология научного знания (программа спецкурса) // Социологические исследования. 1993. № 5. С. 83-86.
- [2]. Лебедев С. А. Социология научного менеджмента (программа спецкурса) // Социологические исследования. 1993. № 5. С. 89-92.
- [3]. Лебедев С. А. Наука как социально-инновационная деятельность // Гуманитарный вестник. 2023. №3(101). Порядковый номер 3.
- [4]. Лебедев С. А., Авдулов А. Н., Барботько Л. М., Бромберг Г. В., Войтов В. А., Аллахвердян А. Г., Володарская Е. А., Кулькин А. М., Маршакова-Шайкевич И. В., Мирская Е. З., Мирский Э. М., Юдин Б. Г. Философия науки. Наука как инновационная деятельность (под общей ред. С.А. Лебедева). Уфа. Восточная экономико-юридическая гуманитарная академия. 2009. – 488с.
- [5]. Лебедев С. А., Авдулов А. Н., Бромберг Г. В., Володарская Е. А., Кулькин А. М., Маршакова-Шайкевич И. В., Миронов А. В., Мирский Э. М., Савельева О. О. Наука России на пороге XXI века: проблемы организации и управления (под редакцией С.А. Лебедева). М.: Университетский гуманитарный лицей. 2000. – 308 с.
- [6]. Лебедев С. А., Ковылин Ю. А. Философия научно-инновационной деятельности. М.: Академический проект. 2012. -182 с.
- [7]. Мирский Э. М. Социология науки: новые вызовы. Наука. Инновации. Образование. 2012. Т.7. №1. 7-23.

[8]. Мирский Э. М., Юдин Б. Г. Человеческое измерение НТП. Наука. Инновации. Образование. 2011. Т.6. №1. 25-45.

[9]. Малкей М. Наука и социология знания. М.: Прогресс. 1983.- 253 с.

[10]. Лебедев С. А. Научная реальность как онтологический конструкт//*Studia Humanitatis Borealis*. Северные гуманитарные исследования. 2025. №4 (37). С. 3-15.

[11]. Лебедев С. А. Философия и методология науки. Актуальные проблемы. М.: Издательство Московского университета. 2024.-575 с.

[12]. Лебедев С. А. Философия науки. Учебное пособие для аспирантов. М.: Проспект.2026.-176 с.

[13]. Лебедев С. А. Введение в философию науки: 15 лекций. М.: Проспект. 2024.-352 с.

[14]. Лебедев С. А. Философия и наука. М.: Академический проект. 2025.-316 с.

[15]. Лебедев С. А. Философия. Методология. Наука. Сборник статей. М.: Проспект. 2023. -720 с.

[16]. Лебедев С. А. Методологическая культура ученого. В 2-х . Т.2. М.: Проспект. 2021. – 216 с.

[17]. Лебедев С. А. Конструктивистская эпистемология. М.: Академический проект. 2026.- 325 с.

[18]. Лебедев С. А. Конструктивистская парадигма научного познания. Часть I // Журнал философских исследований. 2025. Т.11. № 3. С. 17-32.

[19]. Лебедев С. А. Конструктивистская парадигма научного познания. Часть II // Журнал философских исследований. 2025. Т.11. № 3. С. 3-18.

[20]. Merton R. K. *Science. Technology. Society in Seventeenth Century England*. New York. 1970. P.55-111.

References

[1]. Lebedev S.A. *Sociology of Scientific Knowledge (Special Course Program)*// *Sociological Research*. 1993. No.5. pp. 83-86.

[2]. Lebedev S.A. *Sociology of Scientific Management (Special Course Program)*// *Sociological Research*. 1993. No. 5. pp. 89-92.

[3]. Lebedev S.A. *Science as a Socially Innovative Activity*// *Humanitarian Bulletin*. 2023. No. 3(101). Serial Number 3.

[4]. Lebedev S.A., Avdulov A.N., Barbotko L.M., Bromberg G.V., Voitov V.A., Allahverdyan A.G., Volodarskaya E.A., Kulkin A.M., Marshakova-Shaikevich I.V., Mirskaya E.Z., Mirsky E.M., Yudin B.G. *Philosophy of Science. Science as an innovative activity (under the general editorship of S.A. Lebedev)*. Ufa. Eastern Economic and Legal Humanitarian Academy. 2009. – 488 p.

[5]. Lebedev S.A., Avdulov A.N., Bromberg G.V., Volodarskaya E.A., Kulkin A.M., Marshakova-Shaikevich I.V., Mironov A.V., Mirsky E.M., Savelyeva O.O. *Russian Science on the Threshold of the 21st Century: Problems of Organization and Management (edited by S.A. Lebedev)*. Moscow: University Humanitarian Lyceum. 2000. – 308 p.

[6]. Lebedev S.A., Kovylin Yu.A. *Philosophy of Scientific and Innovative Activity*. Moscow: Academicheskyy

Proekt. 2012. -182 p.

[7]. Mirsky E.M. *Sociology of Science: New Challenges*. Science. Innovations. Education. 2012. Vol. 7. No. 1. 7-23.

[8]. Mirsky E.M., Yudin B.G. *The Human Dimension of Scientific and Technological Progress*. Science. Innovations. Education. 2011. Vol. 6. No. 1. 25-45.

[9]. Malkey M. *Science and Sociology of Knowledge*. Moscow: Progress. 1983. - 253 p.

[10]. Lebedev S.A. *Scientific Reality as an Ontological Construct*//*Studia Humanitatis Borealis*. Northern Humanitarian Studies. 2025. No. 4 (37). pp. 3-15.

[11]. Lebedev S.A. *Philosophy and Methodology of Science. Current Issues*. Moscow: Moscow University Press. 2024. - 575 p.

[12]. Lebedev S.A. *Philosophy of Science. A Textbook for Postgraduate Students*. Moscow: Prospect. 2026. - 176 p.

[13]. Lebedev S.A. *Introduction to the Philosophy of Science: 15 Lectures*. Moscow: Prospect. 2024. - 352 p.

[14]. Lebedev S.A. *Philosophy and Science*. Moscow: Academicheskii proekt. 2025.-316 p.

[15]. Lebedev S.A. *Philosophy. Methodology. Science. Collection of Articles*. Moscow: Prospect. 2023. -720 p.

[16]. Lebedev S.A. *Methodological Culture of a Scientist. In 2 Volumes. 2*. Moscow: Prospect. 2021. - 216 p.

[17]. Lebedev S.A. *Constructivist Epistemology*. Moscow: Academicheskii proekt. 2026.- 325 p.

[18]. Lebedev S.A. *Constructivist Paradigm of Scientific Knowledge. Part I* // *Journal of Philosophical Studies*. 2025. Vol. 11. No. 3. pp. 17-32.

[19]. Lebedev S.A. *The Constructivist Paradigm of Scientific Knowledge. Part II* // *Journal of Philosophical Studies*. 2025. Vol. 11. No. 3. Pp. 3-18.

[20]. Merton R.K. *Science. Technology. Society in Seventeenth-Century England*. New York. 1970. Pp. 55-111.

SCIENCE AS A SOCIAL INSTITUTE AND A CONSTRUCTIVIST FORM OF KNOWLEDGE

LEBEDEV
Sergey

*PhD in Philosophy,
Professor of the Department of Philosophy,
Bauman Moscow State Technical University, Department
of Philosophy,
Moscow, Russian Federation, saleb@rambler.ru*

Keywords:

scientific profession
sociology of science
epistemology
methods of scientific knowledge

Summary:

This article analyzed two problems: science as a social institution and its characteristics, and science as a constructivist form of cognition. The first problem is central to the sociology of science, while the second is central to the theory of scientific knowledge or epistemology. It is also shown that these problems are interconnected, as they represent different aspects of a more general problem: viewing science as a socially constructive cognitive activity. Sociology examines science as a specific social-cognitive system, the purpose of which is the production and application of scientific knowledge. It focuses on the role and functions of scientific communication within a disciplinary scientific community as the primary actor in scientific activity. The subject of epistemology is the nature of scientific knowledge, its structure and methods for constructing various units of scientific knowledge. The common foundation for the sociology of science and epistemology is the recognition of the social nature of scientific activity and the fundamental role of scientific consensus in generating and legitimizing any results of scientific activity, including the assessment of their cognitive and practical significance.